

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
УГОЛОВНОГО
И УГОЛОВНО -
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО И
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1982

Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Сборник научных трудов. - Рига, Изд. ЛГУ им. П. Стучки, 1982. - 128 с.

В сборник включены научно-исследовательские работы членов кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, посвященные проблемам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также некоторым проблемам криминалистики.

Сборник предназначен для научных работников, аспирантов, студентов старших курсов, а также практических работников, интересующихся вопросами теории советского уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

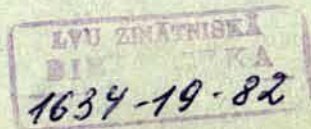
РЕДАКЦИОННАЯ:

доц. Р. Домбровский (отв. ред.),
доц. М. Щешуков,
ст. преп. О. Рудзитис

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЛГУ им. П. Стучки

С II001-IIIy Рез. 82. I200000000
М. 812(II)-82

© Латвийский
государственный
университет
им. П. Стучки, 1982

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ УК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

В связи с принятием Закона Верховного Совета СССР от 11 февраля 1957 г. "Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов" и с Законом Верховного Совета Латвийской ССР от 26 февраля 1957 г. о внесении изменений в Конституцию республики¹, в конце 50-х годов в Латвийской ССР активизировалось правотворчество в области уголовного права.

Правотворчество развивалось в двух направлениях: как путем устранения пробелов в действующем законодательстве, так и путем разработки проекта УК ЛатвССР.

Необходимость в издании нового республиканского уголовного кодекса в Лат ССР была вызвана происшедшими в стране и особенно в ЛатвССР социально-экономическими изменениями. Советское общество вступило в новую полосу развития — в период развитого, зрелого социализма. Это означало, что Советское государство, возникшее как государство диктатуры пролетариата, превратилось в общенародное социалистическое государство, а его уголовное право — в общенародное социалистическое уголовное право.

На территории Латвийской ССР тогда действовал УК РСФСР 1926 года. Этот кодекс, принятый в других исторических условиях, не отражал происшедшие в стране изменения; тем более он не соответствовал обстановке и особенностям развития Латвийской ССР. Не случайно, что многие нормы и даже целые главы УК РСФСР никогда не применялись в Советской Латвии.

Принятие после 1957 года общесоюзных и отдельных республиканских уголовно-правовых актов потребовало систематизации всего уголовно-правового нормативного матери-

¹ Ведомости Президиума Верховного Совета Латвийской ССР, 1957, № 4.

ала, а достичь этого можно было лишь путем кодификации.

Кодификация республиканского уголовного законодательства должна была обеспечить укрепление социалистической законности, дальнейшее развитие советской демократии, стабильность и единство уголовного законодательства. Поэтому основной и неотложной практической задачей явилась разработка и принятие нового УК ЛатвССР, отвечающего условиям развитого социалистического общества и отражающего специфику и особенности республики.

ЦК КП Латвии на заседании бюро еще в декабре 1956 г. утвердил комиссию по подготовке проектов УК и УПК республики.¹ Комиссией руководил Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР. В ее состав вошли партийные и советские работники, практические работники судебно-следственных и прокурорских органов, органов МВД, КГБ, ученые юридического факультета ЛГУ им.П.Стучки и сектора права Академии наук ЛатвССР, а также представители общественных организаций.

В марте 1957 г. была создана специальная рабочая комиссия по разработке проекта УК ЛатвССР, которая, опираясь на широкую общественность, немедленно приступила к работе. Значительную помощь в разработке проекта УК оказали научные работники ряда союзных республик, главным образом ученые г.Москвы и г.Ленинграда, а также братских республик Прибалтики и др. При обсуждении проекта УК ЛатвССР на научно-практических межреспубликанских конференциях, а также совещаниях в г.Москве было внесено много ценных предложений, которые учитывались составителями проекта при его дальнейшей доработке.

В работе над проектом УК ЛатвССР можно выделить два этапа: до и после принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Первый вариант проекта УК был разработан уже в первой половине 1956 года. Он состоял из Общей и Особой час-

¹ На ИИП при ЦК КПЛ, ф.101, оп.19, д.30, л.97.

тей и содержал 246 статей.^I При разработке данного варианта проекта возникли спорные вопросы, требовавшие принципиального и научно обоснованного их решения. Это прежде всего вопросы системы Общей части кодекса, которым в науке уголовного права в то время не уделялось должного внимания.

Составители проекта УК все нормы Общей части разделили на пять разделов. В первый из них — "Общие положения" были включены три основополагающие нормы: задачи УК республики, применение наказания только за деяние, предусмотренное законом, и только по приговору суда. В проекте УК был воспроизведен второй раздел Общей части УК РСФСР 1926 года — "Пределы действия УК". Третий раздел — "О преступлении, условиях уголовной ответственности и обстоятельствах, его исключающих" — содержал понятие преступления, определения формы вины, возраста, с которого наступает уголовная ответственность, невменяемость, а также стадий совершения преступления, соучастия и т.д. Здесь же содержались нормы о применении мер медицинского характера к невменяемым, совершившим общественно опасные деяния. Четвертый раздел был посвящен целям и видам наказания, пятый определял принципы и порядок назначения наказания и освобождения от него.

Указанная система Общей части проекта УК нуждалась в обсуждении и тщательной доработке.

Значительные трудности возникли и при создании системы Особенной части проекта УК. Руководствуясь единственно правильным принципом при построении системы Особенной части УК — объединением составов преступлений в главы по родовому объекту, а также учитывая задачи по охране социалистической собственности, защите прав и интересов граждан и укреплению социалистического правопорядка в целом, в проект были включены три новые, не известные действовавшему в то время УК, главы: преступления против социа-

^I Проект. Уголовный кодекс Латвийской Советской Социалистической Республики. — Рига, 1958, с. 3-87.

алистической собственности (гл.3), преступления против политических и трудовых прав граждан (гл.6) и преступления против правосудия (гл.9). Среди составителей проекта УК ЛатвССР не было разногласий по вопросу о необходимости создания самостоятельной главы о преступлениях против социалистической собственности, обсуждался лишь вопрос о месте новой главы в системе Особенной части проекта. Этой главе было отведено второе место сразу же после главы о государственных преступлениях.

Особенная часть проекта УК ЛатвССР состояла из одиннадцати глав, объединенных в шести следующих разделах: 1. государственные преступления; 2. преступления против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства; 3. преступления против личности, политических, трудовых и имущественных прав граждан; 4. преступления должностные, против правосудия и порядка управления; 5. преступления против общественной безопасности и общественного порядка; 6. воинские преступления.

Вызвала разногласия не только система Особенной части проекта, но и размещение норм в каждой из глав, определение отдельных институтов и признаков составов конкретных преступлений.

В целях обмена мнениями по наиболее принципиальным вопросам, возникшим при разработке проектов УК советских республик Прибалтики, в июле 1958 г. в г.Тарту состоялась конференция, посвященная кодификации уголовного законодательства.¹ Обсужденный на конференции проект УК ЛатвССР рассматривался лишь как первоначальный вариант, поскольку он был разработан до принятия общесоюзных Основ уголовного законодательства.

Вопросы, вызвавшие разногласия в процессе разработки проекта УК, были изложены в ряде научных статей.²

¹ Межвузовское научное совещание прибалтийских республик, посвященное вопросам кодификации советского законодательства, 3 - 5 июля 1958 года. - Тарту, 1958.

² Учен. зап. Латв. ун-та, 1958, т. XXIII, вып. 2, с. 3-27, 29-70, 147-174.

Новый этап в разработке проекта УК связан с принятием 25 декабря 1958 года Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик:^I работа по кодификации значительно активизировалась. Началась она с согласования норм проекта УК с Основами, ставшими юридической базой для разработки проектов УК республик. Уже в начале 1959 г. рабочая комиссия по составлению проекта УК ЛатвССР представила на обсуждение второй вариант проекта. Основные положения, содержащиеся в Основах законодательства, были воспроизведены в проекте УК дословно. Это относится к положениям о пределах действия уголовного закона, об основании уголовной ответственности, об ответственности несовершеннолетних, о неумяняемости, о необходимой обороне, о стадиях совершения преступления, о соучастии, о целях наказания и принципах его назначения, об освобождении от уголовной ответственности и наказания, о снятии судимости и т.д. Однако был создан и целый ряд новых норм и институтов.

В некоторых случаях Основы прямо указывали на необходимость конкретизации некоторых положений общесоюзного законодательства в законах союзных республик; в других случаях решение вопроса было всецело отнесено к компетенции союзной республики. Так во втором варианте проекта были установлены виды принудительных мер воспитательного и медицинского характера и порядок их применения (ст.9, II), определены низшие пределы лишения свободы (3 мес.), ссылки, высылки (I год), исправительных работ без лишения свободы (I мес.), установлены пределы испытательного срока при условном осуждении (I до 5 лет), порядок наблюдения за условно осужденными и проведения с ними воспитательной работы, дано определение особо опасного рецидивиста и т.д. Развивая и конкретизируя общие положения Основ, составители проекта УК одновременно учли и местные особенности республики. Однако авторами второго варианта проекта УК ЛатвССР не были использованы все возможности,

---

^I В дальнейшем — Основы.

предоставленные Основами союзным республикам по конкретизации и дополнению общесоюзных норм. Так, в проекте не была расширена система наказаний, не были предусмотрены новые обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность. Не были установлены и пониженные сроки давности исполнения обвинительного приговора. Частично эти вопросы были решены при доработке второго варианта проекта.

В новый вариант проекта УК были внесены значительные дополнения, вытекающие из решений XXI съезда КПСС о вовлечении общественности в борьбу с преступностью. Были учтены требования партии об укреплении социалистической законности и развитии советской демократии, о смягчении наказания и замене наказания мерами общественного воздействия за совершение менее опасных преступлений и усилении ответственности за совершение опасных посягательств.

Претерпела изменения и Особенная часть проекта УК, хотя ее система не изменилась. В новый проект УК вместо прежних глав были включены общесоюзные законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления. В Особенной части были уточнены многие нормы, а также включены такие, которые не были известны ранее действовавшему законодательству.

Однако и второй вариант проекта УК не был лишен недостатков: его авторы в отдельных случаях допустили необоснованные отступления от норм общесоюзного Закона, что противоречило принципу текстуального воспроизведения в УК основных положений Основ.

Значительную помощь в разработке проекта УК ЛатвССР оказала состоявшаяся в г. Риге 27-29 мая 1959 г. межреспубликанская научная конференция, на которой были обсуждены и подвергнуты критическому анализу новые проекты УК прибалтийских республик. П.С. Ромашкин, справедливо обосновывая необходимость текстуального воспроизведения в кодексах союзных республик всех положений Основ и прочих норм общесоюзных законов, высказал критические замечания

по ряду статей УК ЛатвССР.¹ На конференции были высказаны замечания по поводу определения особо опасного рецидивиста и по другим вопросам.²

Действенную помощь авторам проекта УК ЛатвССР оказали ученые, выступившие со своими замечаниями по проекту в печати. Так Б.С.Никифоров, указав, что в Основах и в УК "одинаковым образом должны решаться вопросы о конкретных основаниях уголовной ответственности" и "всякая попытка расширить или сузить эти основания по сравнению с общесоюзным законом является отклонением от Основ и должна быть признана противоречащей им", подверг критике статью проекта УК ЛатвССР, давшую определение случая (casus'a) и тем самым показал, что Основы определяют небрежность шире, чем латвийский проект.³

Замечания, высказанные учеными и практическими работниками, были учтены рабочей комиссией при дальнейшей работе над проектом. Так, система Общей части проекта была приведена в полное соответствие с системой Основ уголовного законодательства. В Общую часть был введен самостоятельный раздел о принудительных мерах медицинского и воспитательного характера.

В Особой части составители проекта отказались от объединения глав в разделы.

Учитывая критические замечания участников Рижской конференции (1959 г.), из проекта УК были исключены некоторые составы преступлений (неосторожное уничтожение и повреждение чужого личного имущества, повлекшее тяжкие последствия для потерпевшего; уклонение от уплаты взыскиваемых по исполнительным документам сумм; безнравственное воспитание несовершеннолетних и др.) как не отвечающие

¹ Межреспубликанская научная конференция по вопросам кодификации законодательства Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР: Тез. докл. - Рига, 1959, с.8.

² Там же, с.117, 118.

³ Никифоров Б. Проекты республиканских уголовных кодексов. - Соц. законность, 1959, № 8, с.7.

новым условиям и неоправданно расширяющие пределы уголовно наказуемых деяний.

Проект УК ЛатвССР в 83 % статей Особенной части (кроме государственных и военных преступлений) предусматривал альтернативные санкции. Из 158 статей предусматривалось лишение свободы по 72 статьям или исправительные работы без лишения свободы по 80 статьям, или штраф по 54 статьям, или общественное порицание по 12 статьям и т.д. Таким образом, в проекте УК значительное место уделялось мерам наказания, не связанным с лишением свободы, что соответствовало дальнейшему развитию воспитательных начал советского уголовного законодательства.

В конце 1959 г. переработанный второй вариант проекта УК ЛатвССР был передан Юридической комиссии при Совете Министров республики для окончательной его разработки.¹ Работа над проектом на этой стадии продолжалась и в 1960 году.

В начале 1960 г. в проект УК были внесены некоторые изменения,² а 26 марта 1960 г. проект УК ЛатвССР был обсужден на совещании практических и научных работников органов юстиции республики и в целом одобрен. Однако на совещании был высказан ряд замечаний и предложений по проекту.³ Замечания, высказанные на указанном совещании, а также поступившие от Верховного Суда ЛатвССР, Прокуратуры республики, от Сектора права Института экономики АН ЛатвССР, ЛГУ им.П.Стучки и других органов, учреждений и организаций,⁴ были тщательно изучены и учтены при доработке проекта УК.

---

¹ Архив Министерства юстиции ЛатвССР. УК ЛатвССР: Проект. Т. I. - Рига, 1960, с. I-II4.

² Там же, т. 2, с. 159-267.

³ Там же, т. 2, с. 27-155.

⁴ Там же, т. 3, с. 12-120.

Следующая стадия подготовки проекта УК ЛатвССР связана с его обсуждением на совещании при Юридическом отделе Президиума Верховного Совета СССР в июне 1960 г. при участии видных юристов страны - практических работников и ученых. В обсуждении проекта УК ЛатвССР принимали участие выдающиеся ученые в области уголовного права - профессора Н.Д.Дурманов, В.Д.Меньшагин, А.А.Плонтковский, Б.С.Никифоров и др. Ими были высказаны ценные замечания по проекту УК ЛатвССР.¹ Во-первых, были даны рекомендации по устранению имевшейся несогласованности между нормами, содержащимися в проекте УК, и нормами действующего общесоюзного уголовного законодательства. Во-вторых, были даны рекомендации, относящиеся к системе наказаний, к положениям о назначении наказания и освобождения от наказания. В-третьих, много ценных рекомендаций было дано по Особенной части проекта УК ЛатвССР, главным образом в плане уточнения признаков сдельных основных и квалифицированных составов преступлений, как в изменении санкций ряда статей. Высказывались предложения и о дополнении Особенной части новыми составами преступлений.

Все рекомендации и предложения ученых были тщательно изучены в республике. На базе этих рекомендаций проект УК был существенно доработан и улучшен: из 245 статей проекта были исключены 4, вновь созданы 13, а изменены и дополнены - 126.

Большое значение для окончательной разработки проекта УК ЛатвССР имело созданное Комиссиями законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР 5 октября 1960 г. совещание с участием представителей всех союзных республик, где обсуждался проект рекомендаций по отдельным вопросам, относящимся к проектам УК и УПК союзных республик. Рекомендации, разработанные указанными комиссиями и одобренные Секретариатом

¹ Архив Министерства юстиции ЛатвССР. УК ЛатвССР: Проект. Т.4, с.111-153.

ЦК КПСС, были направлены на единообразное определение во всех УК союзных республик понятия особо опасного рецидивиста, обеспечения установления одинаковой уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества, за кражу, грабеж и разбой личного имущества граждан, а также за умышленное убийство и за изнасилование.¹ Указанные рекомендации Комиссий законодательных предложений были учтены Юридической комиссией при Совете Министров ЛатвССР при дальнейшей доработке упомянутых уголовно-правовых норм.

Для окончательной разработки некоторых еще до конца не решенных в проекте вопросов 16 октября 1960 г. Юридической комиссией при Совете Министров ЛатвССР было созвано второе совещание юристов республики. Практические работники органов юстиции, а также ученые в основном одобрили разосланный им для обсуждения проект УК, указав, что он отвечает требованиям Основ уголовного законодательства и политике КПСС в области борьбы с преступностью. Однако высказывались и некоторые замечания. Основное внимание на указанном совещании уделялось обсуждению таких вопросов, как применение тюремного заключения к лицам, осужденным к лишению свободы, создание некоторых новых составов преступлений, закрепление применения мер общественного воздействия в санкциях Особенной части проекта УК и некоторые другие.²

Третий вариант проекта УК в ноябре 1960 г. Юридической комиссией при Совете Министров ЛатвССР был представлен для обсуждения и одобрения Президиуму Верховного Совета ЛатвССР. Он был передан в Комиссию законодательных предложений Верховного Совета ЛатвССР и высказанные при его обсуждении замечания были учтены при окончательной

---

¹ Архив Министерства юстиции ЛатвССР. УК ЛатвССР: Проект. Т.5, с.94-101.

² Там же, т.5, с.1-92.

доработке проекта.¹ Проект УК ЛатвССР был отпечатан типографским способом и вместе с проектом Закона об утверждении Уголовного кодекса ЛатвССР роздан депутатам Верховного Совета республики.

Вопрос об утверждении Уголовного кодекса республики обсуждался 6 января 1961 г. на заседании пятой сессии Верховного Совета ЛатвССР пятого созыва. Председатель Комиссии законодательных предложений Верховного Совета ЛатвССР депутат В.А.Азан в своем докладе обосновал необходимость принятия нового УК республики.²

На сессии было отмечено, что проект УК ЛатвССР подготовлен в соответствии с решениями XX и XXI съездов КПСС, а также с учетом двадцатилетнего опыта социалистического строительства в республике.³ Давая в целом проекту УК высокую положительную оценку, депутат В.А.Азан внес на обсуждение сессии несколько дополнений к розданному депутатам проекту УК. В целях согласования норм УК и УПК, было предложено ст.10 проекта УК дополнить четвертой частью, в которой предусматривалась возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности и наказания с направлением его в Комиссию по делам несовершеннолетних. Некоторые изменения были внесены и в другие статьи проекта УК.⁴

Депутаты Верховного Совета ЛатвССР 6 января 1961 г. одобрили проект УК с указанными дополнениями и изменениями и единогласно утвердили новый УК ЛатвССР,⁵ постановив ввести его в действие с 1 апреля 1961 г. Так в результате активной, творческой и напряженной работы большого коллектива ученых и практических работников — юристов ЛатвССР и ряда союзных республик при участии в его обсуждении

¹ Архив Министерства юстиции ЛатвССР. УК ЛатвССР: Проект, Т.7, с.1-128.

² Заседание Верховного Совета Латвийской ССР пятого созыва: Пятая сессия 5 и 6 января 1961 г. (Стенограф. отчет). — Рига, 1961, с.268.

³ Там же, с.281.

⁴ Там же, с.274-275.

⁵ Там же, с.287.

широкой общественности республики был разработан и утвержден первый социалистический Уголовный кодекс Советской Латвии.

В связи с принятием УК ЛатвССР возникла необходимость решить несколько принципиальных вопросов, связанных с введением кодекса в действие. В Законе об утверждении УК ЛатвССР было воспроизведено установленное Верховным Советом СССР правило о том, что ст.23 УК ЛатвССР не распространяется в части срока лишения свободы на лиц, осужденных до принятия Основ уголовного законодательства за особо опасные государственные преступления, за бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах и разбой. По представлению Президиума Верховного Совета ЛатвССР Президиум Верховного Совета СССР также установил, что смягчение лишения свободы не применяется к особо опасным рецидивистам.¹

Отметим, что в теории советского уголовного права некоторые ученые нераспространение более мягкого уголовного закона на деяния, в отношении которых приговор вступил в законную силу, рассматривают как исключение из правила, установленного в ч.2 ст.6 Основ.² Такое утверждение представляется весьма спорным. Как правильно отмечает М.И. Блум и другие авторы, в Основах уголовного законодательства, где закреплён общий принцип об обратном действии более мягких уголовных законов, никакие ограничения в этом

---

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 12, ст.124.

² См.: Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.- М., 1961, с.26; Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений.- М., 1963, с.224; Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение.- М., 1967, с.146; Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон.- М., 1967, с.277.

отношении не предусмотрены.¹ Как известно, более мягкий уголовный закон может распространиться, во-первых, на деяния, в отношении которых приговор не вступил в законную силу, и, во-вторых, на деяния, в отношении которых приговор вступил в законную силу. Если в первом случае вопрос о применении более мягкого закона решается судом непосредственно на основании ст.6 Основ, то во-втором случае ст.6 сама по себе не является основанием для распространения более мягкого закона на лиц, отбывавших наказание, ибо вступление в силу такого закона не может отменить приговора, вынесенного до вступления в силу нового закона. Кроме того, законодатель не установил общий процессуальный порядок применения нового более мягкого закона к приговорам, вступившим в законную силу. Поэтому в каждом случае распространения нового, более мягкого уголовного закона на лиц, отбывавших наказание по вступившему в законную силу приговору законодателем издаются специальные законы. Таким образом, не ч.2 ст.6 Основ, а специальные законы, принятые на основании данной статьи, распространяют действие более мягкого уголовного закона на деяния, в отношении которых приговор вступил в законную силу.

Кроме того, Верховный Совет ЛатвССР 6 января 1961 г. поручил Президиуму Верховного Совета республики усилить порядок введения в действие УК и утвердить перечень утративших силу соответствующих республиканских законодательных актов. 25 марта 1961 г. Президиумом Верховного Совета ЛатвССР был принят Указ и Постановление о порядке введения в действие УК и УПК ЛатвССР,² а 31 марта - Указ о признании утратившим силу республиканских законодатель-

¹ См.: Блум М.И., Тийле А.А. Обратная сила закона: Действие советского уголовного закона во времени.- М., 1969, с.85; Блум М.И. Пределы обратной силы более мягкого уголовного закона.- Уч.зап. Латв.гос.ун-та, т.241. Вопросы борьбы с преступностью, вып.2, 1975, с.29; Шаргородский М.Д. Уголовный закон.- М., 1948, с.226; Курс советского уголовного права. Часть Общая, т.1.-Л., 1968, с.117.

² Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1961, № 13.

ных актов.¹ На территории республики в рассматриваемый период действовали и общесоюзные уголовные законы, часть из которых подлежала отмене в связи с вступлением в силу УК ЛатвССР. Поскольку решение данного вопроса выходило за пределы компетенции республики, он был решен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1961 г., в котором был дан перечень законодательных актов СССР (в том числе: Указ от 6 ноября 1940 г. о временном применении уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР на территории Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР в части применения УК и УПК РСФСР), утративших силу на территории ЛатвССР с 1 апреля 1961 г., т.е. с момента введения в действие УК и УПК республики.²

---

¹ Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1961, № 14.

² Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 12.

РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМ ОБЩЕЙ ЧАСТИ
 СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В ТРУДАХ М.И.БЛУМ

14 ноября 1980 года ушла из жизни Заслуженный юрист Латвийской ССР, доктор юридических наук, профессор Латвийского государственного университета им.П.Стучки Блум Мария Ильинична. Своей тридцатилетней научной деятельностью М.И.Блум оставила богатое теоретическое наследство, воплощенное в более чем ста двадцати публикациях в виде монографий, научных статей, учебных пособий, комментариев Уголовного кодекса Латвийской ССР, тезисов докладов. Диапазон научных интересов М.И.Блум был необыкновенно широк, однако двадцать лет тому назад основным объектом ее творческих исследований стало учение о советском уголовном законе.

В основу учения об уголовном законе положена задача борьбы с преступностью, и решение этой задачи, как известно, требует от советских юристов глубокого изучения и анализа советских уголовных законов. Поэтому во всех научных трудах М.И.Блум наглядно видна творческая целенаправленность — научить не только правильно применять действующее уголовное законодательство, но и искать и находить пути его совершенствования. Для нее всегда был неизблемым принцип: " работу по совершенствованию советского законодательства надо продолжать, чтобы оно не отставало от жизни, чтобы наши законы, оставаясь прочными, стабильными, правильно отражали происходящие в обществе процессы".¹

Советское законодательство — это основа конституционного принципа социалистической законности, важнейшего принципа социалистического строительства. Поэтому советские ученые обязаны разрабатывать научно обоснованные ре-

¹ Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речь и статьи, т.3. — М., 1972, с.48-49.

комендации, вытекающие из назревших условий и потребностей развития советского общества, отражающие дальнейшее развитие социалистической демократии, достижения советской правовой науки, соответствующие интересам охраны социалистического правопорядка и обеспечения прав граждан.

Учение о советском уголовном законе в трудах М.И.Блум получило дальнейшее развитие: ее основное внимание было сосредоточено на проблемах действия уголовного закона во времени и в пространстве. И хотя отдельные аспекты этих проблем рассмотрены в монографиях видных советских ученых Я.М.Брайнина, Н.Д.Дурманова, М.И.Ковалева, М.Д.Шаргородского и др., а также в работах зарубежных ученых И.Ненова (НРБ), И.Андреева и В.Волтера (ПНР), М.Кадара (ВНР), Г.Фриче (ГДР), К.Бабру (СРР), М.И.Блум сумела доказать, что данные вопросы изучены явно недостаточно и поэтому необходимо устранить недостатки в правовом регулировании границ действия норм уголовного права во времени и в пространстве.

Разрабатывая эту проблематику в своей докторской диссертации, М.И.Блум в то же время участвует во многих научных конференциях¹, публикует ряд работ, посвященных действию советского уголовного закона. Так, в монографии "Обратная сила закона"², исследованы вопросы о начале и прекращении действия уголовного закона во времени, рассмотрены проблемы обратной силы закона, а также действие во времени "промежуточного" закона.

¹ См., например: Совершенствование порядка действия уголовных законов в пространстве. - В кн.: Юридические гарантии применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности: Тез. докл. и сообщ. - Киев, 1971.; Пределы действия советской уголовно-правовой нормы. - В кн.: Развитие уголовно-правовых наук в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР: Тез. докл. - Тарту, 1973; Вопросы обратной силы советского уголовного закона. - В кн.: Формы и методы борьбы с преступностью: Тез. докл. - Вильнюс, 1974.

² Блум М.И., Тимле А.А. Обратная сила закона: Действие советского уголовного закона во времени. - М., 1969.

В учебном пособии "Действие советского уголовного закона в пространстве"¹, имеющим фактически характер монографии (260 страниц), рассмотрены наиболее актуальные и мало разработанные в теории советского уголовного права проблемы пределов действия уголовного закона. Этот фундаментальный труд явился итогом многолетней научной деятельности М.И.Блум в связи с подготовкой и совершенствованием спецкурса "Советский уголовный закон и пределы его действия", читаемого студентам старших курсов юридического факультета Латвийского государственного университета в течение ряда лет.

В эти же годы выходят в свет учебные пособия М.И.Блум "Понятие преступления и его признаки в советском уголовном праве" и "Учение о советском уголовном законе", первые такого рода работы на латышском языке.² Кроме того, статьи М.И.Блум о проблемных вопросах действия советского уголовного закона во времени и в пространстве регулярно публиковались в ученых записках Латвийского государственного университета: только их перечень занял бы слишком много места. Нельзя не отметить, что М.И.Блум являлась членом авторского коллектива, подготовившего первые комментарии Уголовного кодекса Латвийской ССР.³ Ею полностью комментирована глава "Преступление", часть главы "Назначение наказания и освобождение от наказания", а также главы Особенной части "Преступления против личности", "Хозяйственные преступления" и часть главы "Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения".

Закономерным результатом многолетнего плодотворного научного труда М.И.Блум является ее докторская диссертация "Действие советского уголовного закона во времени и в

---

¹ Блум М.И. Действие советского уголовного закона в пространстве.- Рига, 1974.

² Blūma M. Nozieguma jēdziens un tā pazīmes padomju krimināltiesībās.-R., 1972; Mācība par padomju kriminālikumu.-R., 1972.

³ Latvijas PSR Kriminālkodeksa komentāri.-R., 1965
Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР.-Рига, 1967.

пространстве", которая получила высокую оценку на защите в Совете юридического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.¹

Внося ряд глубоко разработанных и всесторонне аргументированных предложений о совершенствовании советского уголовного законодательства в области действия уголовного закона, М.И.Блум в это же время, следуя марксистскому положению, что не существует надклассовой, беспартийной науки, в своей диссертации разоблачает буржуазные теории действия уголовного закона во времени и в пространстве, в первую очередь современные теории антикоммунизма. При этом ярко вырисовывается антинародная, реакционная природа буржуазного права и служебная роль его уголовно-правовых норм, которые в частности, в области действия уголовного закона во времени дают неограниченные возможности для правоприменительной деятельности органов современного буржуазного государства "обойти" принципы легальности и необратимости более строгого уголовного закона.

Работа над проблемами действия советского уголовного закона во времени и в пространстве была продолжена и в последующее время. Так, например, в своем докладе на пленарном заседании республиканской научной конференции "Проблемы совершенствования гражданско- и уголовно-правового законодательства в свете решений XXV съезда КПСС и новой Конституции СССР", посвященной 400-летию Вильнюсского университета, М.И.Блум отметила, что "в настоящее время, когда социалистическая законность провозглашена в качестве важнейшего конституционного принципа", назрела необходимость в Основах уголовного законодательства "выделить все нормы, определяющие пределы действия советского уголовного закона во времени и в пространстве, в особую главу, отразив таким образом существовавшие особое права применения советских уголовных законов, дающего ос-

---

¹ Блум М.И. Действие советского уголовного закона во времени и в пространстве: Автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора юрид. наук. - М., 1975.

нование для решения всех интерлокальных и интертемпоральных коллизий.¹

Как уже было отмечено, диапазон научных интересов и соответствующих исследований профессора М.И.Блум был необыкновенно широк. Кроме проблем, о которых говорилось выше, М.И.Блум глубоко исследовала также другие институты Общей части советского уголовного права и многие публикации явились первыми такого рода на латышском языке. В этой связи следует отметить учебные пособия "Обстоятельства, исключющие общественную опасность и противоправность деяния" и "Неурегулированные уголовным законодательством обстоятельства, исключющие общественную опасность и противоправность деяния."²

В первой из названных работ рассмотрены такие обстоятельства как необходимая оборона, крайняя необходимость и задержание преступника. Вторая работа посвящена исследованию ряда обстоятельств, имеющих особое значение в период научно-технического прогресса, но еще неурегулированных уголовным законодательством. В их числе согласие потерпевшего на аллотрансплантацию, медицинский эксперимент, выполнение полезных профессиональных функций, оправданный производственный риск.

В учебном пособии "Стадии совершения преступления"³ раскрыто понятие стадий совершения преступления, история законодательной регламентации этих институтов, проанализированы спорные взгляды в теории советского уголовного

¹ См.: Блум М.И. Некоторые проблемы совершенствования Основ уголовного законодательства в свете новой Конституции Союза ССР. - В кн.: Проблемы совершенствования гражданского и уголовно-правового законодательства в свете решений XXV съезда КПСС и новой Конституции СССР. - Вильнюс, 1979, с.8.

² Blūma M. Apstākļi, kas izslēdz nodarījuma sabiedrisko bīstamību un prettiesiskumu. - R., 1976.; Kriminālā likumdošanā neregulētie apstākļi, kas izslēdz nodarījuma sabiedrisko bīstamību un prettiesiskumu. - R., 1977.

³ Blūma M., Grauzīnis S. Nozieguma izdarīšanas stadijas. - R., 1978.

права.¹ Поскольку с вопросами стадий совершения преступления тесно соприкасается проблема добровольного отказа от совершения преступления, М.И.Блум, кроме освещения различных ее аспектов в упомянутом учебном пособии, публикует вспомогательный материал для лекторов "Добровольный отказ от совершения преступления"², в котором, широко используя следственно-судебную практику республики, разъясняет понятие добровольного отказа от совершения преступления - воплощения принципа гуманизма советского уголовного права, имеющего большое профилактическое значение.

Большое внимание М.И.Блум уделяла вопросам соучастия в преступлении - актуальнейшей проблеме современного советского уголовного права. В 1968 году выходит в свет ее монография "Если укрывается преступление..."³, в которой на обширном материале следственно-судебной практики раскрыты понятия соучастия и прикосновенности к преступлению (заранее не обещанное укрывательство и недонесение), подчеркнута значимость общественного и уголовно-правового воздействия на лиц, виновных в прикосновенности к преступлению. Красной нитью пронизывает работу убеждение автора, что советская общественность должна критически отнестись не только к тем случаям укрывательства и недонесения, за которые предусмотрена уголовная ответственность, но и ко всем остальным, являющимся только моральными проступками.

Проблемы соучастия М.И.Блум скрупулезно рассматривает в учебном пособии "Учение о соучастии"⁴, по своему содержанию далеко переросшего рамки учебного пособия и фактически представляющего собой фундаментальное исследование монографического характера. В работе подробно освещены все взгляды на институт соучастия и аргументировано осмыслены пути его совершенствования.

---

¹ Blūma M., Graužinis S. Nozieguma izdarīšanas stadijas.-R., 1978.

² Blūma M. Labprātīga atteikšanās no nozieguma izdarīšanas.-R., 1978.

³ Blūma M. Ja noziegumu slēpj...-R., 1968.

⁴ Blūma M. Mācība par līdzdalību.-R., 1978.

Проблема соучастия посвящено одно из последних выступлений М.И.Блум в коллоквиуме о различных аспектах борьбы с преступностью, проведенного в 1978 году в Грузии (Бакурлани).¹

Отмечая достигнутое в советском уголовном праве положение, что институт соучастия нуждается не в коренной перестройке, а лишь в совершенствовании отдельных положений, М.И.Блум в этой связи выдвигает ряд конкретных предложений. В частности, следует включить в закон указание на то, что только умышленное преступление может быть совершено в соучастии. В определении соучастия должно содержаться также указание на то, что два или более лица, совместно участвовавшие в совершении умышленного преступления, признаются соучастниками, если каждое из этих лиц достигло возраста уголовной ответственности и являлось вменяемым. Актуальность этого положения определяется тем, что судебная практика последних лет пошла по пути признания преступления, совершенном в соучастии, в случаях, когда подлежащее уголовной ответственности лицо совершает преступление с использованием лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, или невменяемых. Таким образом, указание в самом законе на то, что соучастием признается совершение умышленного преступления двумя или более лицами, подлежащими уголовной ответственности, исключит возможность признания соучастниками невменяемых и малолетних, которые используются в качестве орудия преступления.

Заслуживает внимания также предложения о законодательной регламентации понятий "группы лиц" и "совершения преступления организованной группой".

Разумеется, в столь небольшой статье невозможно дать исчерпывающий анализ внушительного вклада профессора М.И.Блум в развитие институтов Общей части советского уголов-

¹ См.: Блум М.И. Вопросы советского уголовного законодательства о соучастии в свете Конституции Союза ССР. - В кн.: Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. - Тбилиси, 1979, с.47-79.

ного права. Поэтому в заключение следует лишь отметить весьма существенное значение трудов М.И.Блум для развития теории квалификации преступлений. Она разработала программу спецкурса "Теоретические основы квалификации преступлений" (Рига, 1969) и сама вплоть до своей кончины читала этот спецкурс студентам старших курсов юридического факультета Латвийского государственного университета.

В предисловии к своей монографии "Общая теория квалификации преступлений" (М., 1972) профессор В.Н.Кудрявцев приносит искреннюю благодарность ученым за ценные замечания, способствовавшие существенному углублению и уточнению ряда положений книги. Среди этих ученых — имя М.И.Блум, оставившей яркий след в науке советского уголовного права.

СОДЕРЖАНИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВМЕНЯЕМОСТИ

1. Под вменяемостью в советском уголовном праве понимается способность лица сознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, т.е. предпосылка вины и уголовной ответственности.

Вменяемость — многогранная и многоаспектная социолого-правовая категория и важнейший институт уголовного права. Ее можно охарактеризовать с различных сторон: как юридический институт и уголовно-правовую категорию; как предпосылку вины и ответственности: как один из общих признаков состава, характеризующих субъекта преступления и уголовной ответственности; как показатель преступного и наказуемого, один из критериев отграничения виновного поведения от невиновно совершенных невменяемыми общественно опасных деяний и т.д. Медицинские понятия являются в учении о вменяемости и невменяемости вспомогательными: они указывают на причины, исключавшие вменяемость субъекта и устраняющие вменение ему в вину содеянного им.

В действующем уголовном законодательстве Союза ССР и союзных республик отсутствует определение понятия вменяемости, хотя термин "вменяемость" употребляется законодателем в ряде уголовно-правовых норм (напр., в ч.2 ст. II Основ, ст. 58 УК РСФСР). Между тем значение вменяемости как предпосылки вины и ответственности вытекает из анализа ст.ст. 1, 3, 7, 8, 9, 10 и ч. I ст. II Основ уголовного законодательства, а необходимость ее закрепления в уголовном законе обуславливается задачей соблюдения конституционного принципа законности при реализации принципов вины и ответственности в советском уголовном праве.

Многие недорозумения в трактовке вменяемости связаны, на наш взгляд, именно с отсутствием законодательного определения вменяемости, несмотря на то, что положительная обрисовка формулы вменяемости в уголовном законе и исследование ее позитивного аспекта в уголовно-правовой науке объективно направлены на укрепление законности в деятель-

ности правоохранительных органов, на охрану прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией СССР.

Широко распространенным среди научных и практических работников является взгляд, согласно которому вменяемость является понятием, производным от невменяемости. Считают, что советский уголовный закон раскрывает понятие вменяемости негативным путем: все те лица, которые не подпадают под признаки ч. I ст. II Основ признаются вменяемыми и несут уголовную ответственность за совершение общественно опасных деяний. Едва ли можно признать правильным такое положение. Вернее будет противоположный путь познания: когда формула и критерии невменяемости определяются исходя из понятия и признаков вменяемости. Это логичнее и правильнее по существу. На наш взгляд, в свете требований ст. ст. 4 и 160 Конституции СССР, а также ст. 3 Основ уголовного законодательства есть прямая необходимость дать определение понятия вменяемости в самом уголовном законе, ибо границы и условия ответственности "определяет нормативный акт и только он".¹

Существующее ныне положение, когда в законе отсутствует положительное понятие ("вменяемость") и закреплено негативное, производное от него понятие ("невменяемость") теоретически не обоснованно. Это скорее дань многолетней традиции. Вменяемость "не является антитезой невменяемости"² (последняя есть обратная сторона уголовной вменяемости, вторая ее часть). Исторически не обусловлено, а теоретически не подтверждено, что понятие вменяемости возникло как негативное от невменяемости. Скорее, наоборот, ибо вменяемость является отправным моментом при разработке формулы и критериев невменяемости (иначе, условий, исключающих вменение в уголовном праве).

¹ Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Закон и пределы правомерного поведения. - Сов. гос. и право, 1980, № 10, с. 38.

² Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. - М., 1970, с. 25.

Вменяемость исторически и логически предшествует невменяемости. Не отсутствие ее (невменяемость), а именно вменяемость является одним из основных понятий уголовного права. Она характеризует связь личности с преступлением, виной, уголовной ответственностью и наказанием. Невменяемость же по своей сущности есть лишь один из специфических способов ограничения пределов уголовной ответственности, а по своей юридической природе является обстоятельством, исключающим вину и уголовную ответственность в советском уголовном праве.¹ Поэтому в современных условиях борьбы с преступностью, когда уже в основном выработаны формула и критерии невменяемости (что, разумеется, не исключает их совершенствования) целесообразно закрепить положительную формулу вменяемости в уголовном законе. Возражения, что определение понятия вменяемости в уголовном законе будет дублировать формулу невменяемости, не убедительны. В уголовном законе должны быть указаны все субъективные предпосылки уголовной ответственности (возраст, вменяемость и др.), а также определены условия, исключающие ее (невменяемость, недостижение требуемого законом возраста, субъективный случай или казус и др.). Как правильно отмечается в литературе², такое требование вытекает из принципа субъективного вменения, принятого в советском уголовном праве.

2. Как фактическая характеристика психического состояния личности преступника во время совершения преступления вменяемость, урегулированная правом, приобретает значение обязательной юридической предпосылки уголовной ответственности, относящейся к субъекту. Отраженная законом в составе преступления, вменяемость как свойство личности преступника, приобретает значение обязательного юридичес-

¹ См. подробнее: Михеев Р.И. Основы учения о вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. - Владивосток, 1980, с. 15-22.

² См., например: Кудрявцев В.Н., Малени Н.С. Правовое поведение, его субъекты и пределы. - Правоведение, 1980, № 3, с. 34.

кого признака состава преступления, характеризующего субъекта, и ее отсутствие означает отсутствие состава преступления.

Являясь первичным звеном в системе "вменяемость-вина-уголовная ответственность" вменяемость характеризует способность личности быть (юридически) преступником. Поэтому о вменяемости речь идет лишь при решении вопроса о наличии основания уголовной ответственности (состава преступления), но не тогда, когда решается вопрос о формах реализации уголовной ответственности и ее индивидуализации. Объясняется это тем, что вменяемостью определяется круг лиц, которые могут быть субъектами преступления и уголовной ответственности. Это один из важных критериев установления круга лиц, к которым применим уголовный закон. В этом проявляется практическая значимость вменяемости в советском уголовном праве. Являясь субъектной предпосылкой уголовной ответственности, вменяемость не влияет на меру этой ответственности. Она не имеет ни форм, ни видов, ни степеней.

Субъектами преступления и уголовной ответственности могут быть лишь физические лица, вменяемые и достигшие установленного в законе возраста, которые обладают определенными интеллектуальными и волевыми свойствами и качествами, обуславливающими способность данных лиц понимать предъявляемые к ним правовые требования, сознавать общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими, способными удерживаться от инстинктивной, импульсивной и т.п. деятельности. Иначе говоря, субъект должен обладать относительной "овободой воли", которую Ф.Энгельс определял как способность принимать решения со значением дела, как господство над самим собой и над внешней природой^I или что "в переводе на язык уголовного права означает ... вменяемость лица, его способность быть

---

^I Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.2-е изд., т.20, с.116.

виновным и ответственным"¹. Но "свобода воли" не исчерпывается вменяемостью. Вменяемость есть лишь один из фиксированных уголовным законом уровней (степеней) "свободы воли" и лишь в рамках уголовного права. Вменяемость как термин и как уголовно-правовое понятие неприменима для других видов социальной ответственности (политической, моральной и др.) и для других отраслей права (государственного, гражданского, трудового, семейного и др.), в которых для правовой характеристики субъектов ответственности имеются иные юридические понятия (например, дееспособность в гражданском праве). Вменяемость — это конкретная предпосылка вины и ответственности субъекта в уголовном праве, тогда как "свобода воли" — общее условие социальной ответственности личности.

3. Основными категориями, характеризующими вменяемость, являются содержание и сущность. Анализ этих категорий дает возможность правильно понять и раскрыть юридическую природу вменяемости, глубже познать институт вменяемости в советском уголовном праве. Трудно переоценить практическое значение этих категорий для законодательного определения понятий вменяемости и невменяемости, определения юридической формулы невменяемости и ее критериев для правильного применения указанных понятий в правотворительной практике.

Под содержанием как философской категорией понимается совокупность тех элементов и процессов, которые составляют основу объектов и обуславливают их существование и развитие. Содержание отображает внутреннюю материальную основу существования предмета или явления объективной действительности, побудительную материальную силу, являющуюся источником развития предмета или явления, т.е. взаимосвязь двух сторон природной и социальной реальности.²

¹ Дегель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве. — Владивосток, 1968, с.8.

² См.: Кондаков И. Логический словарь-справочник. — М., 1975, с. 555-557; Философский словарь. — М., 1975, с.372-373.

В гносеологическом плане вменяемость — это способность человека отражать взаимодействие объективных условий, воздействующих на личность, и самой личности, ее социальной позиции, которая сформировалась также под влиянием окружающей среды. Из этого следует, что содержанием вменяемости является способность человека как личности отражать в своем сознании социально-психологические признаки совершаемого общественно-опасного деяния, имеющего уголовно-правовое значение, и способность осознанно руководить своим поведением.

Способностью психически здорового лица (медицинский критерий) сознавать общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими (юридический критерий) во время совершения общественно опасного деяния в рамках данного состава преступления ограничивается предметное содержание вменяемости в советском уголовном праве. За пределами этих границ человек в силу болезненно-паталогических расстройств психики может потерять способность сознавать общественно опасный характер своих действий или способность руководить ими, т.е. утратить "свободу воли", способность господствовать над собой во время совершения общественно опасного деяния. Иначе говоря, утратить способность ко вменению и действовать в невменяемом состоянии. Отсутствие способности создания противоправности не исключает вменяемости субъекта и его вины и уголовной ответственности за содеянное.

Предметное содержание вменяемости раскрывается на основе толкования юридического и медицинского критериев и признаков, характеризующих указанные критерии. Волевой признак определяет границы юридического критерия вменяемости, а относительное психическое здоровье лица (при этом имеются в виду и психические аномалии, не исключающие вменяемости) — рамки ее медицинского критерия.

По мнению З.А.Астемирова, содержание вменяемости "главным образом" социально-психологическое: оно является социологическо-правовой категорией, а содержание невменяемости в основном медико-психиатрическое: оно является медико-биологической категорией. Он считает, что определе-

ние понятия вменяемости формулой "способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими" недостаточно полно раскрывает его содержание и не отражает "социально-психологического смысла вменяемости"¹. Следует отметить, что еще Н.Н.Полянский предлагал, помимо предметного содержания вменяемости, выделить "уголовно-политическое" содержание вменяемости². На наш взгляд, не вызывается практической необходимостью выделение специального "юридического", а тем более "медицинского" содержания вменяемости, так как для уголовного права (и судебной психиатрии) имеют значение лишь те психические состояния и свойства личности, которые охватываются понятием вменяемости и не исключают ее. Необоснованным представляется выделение "уголовно-политического содержания вменяемости", "социально-психологического смысла вменяемости" и т.п., так как это уже характеристика не содержания вменяемости, а ее сущности.

Сущность как философская категория - самое главное, существенное в предмете или явлении, основа, определяющая общее предмета или явления, их происхождение, направление и развитие³. Сущность вменяемости, как понятия и как юридического института, имеет социально-политический характер и тесно связана с социальным назначением данного института и понятия, его роль в общественной жизни. Социально-политическое назначение института вменяемости в советском уголовном праве, на наш взгляд, состоит в том, чтобы быть одним из критериев при определении границ виновного и уголовно-наказуемого, одним из определителей субъекта уголовной ответственности.

¹ Астемиров З.А. Указ.соч., с.25.

² Полянский Н.Н. Реп.на кн: С.И.Тихенко "Невменяемость и вменяемость", Киев, 1927.- Право и жизнь, 1928, кн. 2-3, с.112.

³ Философский словарь.- М., 1975, с.402.

Вменяемость — показатель способности лица ко вменению ему в вину определенного юридического факта (преступления — ст.3 Основ), один из уровней свободы воли, выраженный в законе. Сущность вменяемости в советском уголовном праве выражается в способности личности во время совершения преступления осознавать свое отрицательное отношение к охраняемым уголовным правом интересам социалистического общества. Реализованная впоследствии в виновно совершаемом субъектом (умышленно или по неосторожности) общественно опасном деянии эта способность приобретает значение юридической предпосылки вины и уголовной ответственности. Уголовная ответственность — это ответная реакция общества и государства на виновно совершенное вменяемым лицом общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Способность сознавать свое отрицательное отношение к интересам общества и государства, выраженная в виновном совершении лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом в качестве преступления, обуславливает уголовную ответственность субъекта, в которой выражается отрицательная оценка преступления и личности преступника со стороны всего общества и государства.

Следовательно, способность лица осознавать свое отрицательное отношение к интересам социалистического общества — те рамки, в которых данная способность, отраженная в уголовном законе, охватывается понятием вменяемость в советском уголовном праве и обуславливает ответственность субъекта. В этом сущность вменяемости как правового понятия, как юридического института в уголовном праве, как предпосылки вины и ответственности субъекта. Не выразившись в преступлении, способность лица сознавать свое отрицательное отношение к понятию вменяемости не относится и уголовную ответственность не обуславливает.

Иначе говоря, вменяемость по своей сущности представляет собой фиксированный в уголовном законе (хотя в настоящее время и негативным путем) уровень (степень) "свободы воли" личности преступника, а по своей юридической природе — юридический признак состава, характеризующий субъекта, обязательная предпосылка вины и уголовной ответственности.

4. Вменяемость, являясь одним из общих признаков субъекта преступления, указывает на способность лица быть виновным и ответственным за свое общественно опасное деяние, но не является характеристикой этого деяния и отношения (умышленного или неосторожного) к нему субъекта. В то же время вменяемость — это один из социально-психологических показателей личности преступника, его "свободы воли", так как вменяемость (хотя и не полностью) отражает интеллектуальные и волевые способности человека (социально-психологическую сторону личности преступника).

Вменяемость, на наш взгляд, позитивное свойство личности. Оно означает способность субъекта действовать виновно и регулировать свое поведение, избирая тот или иной вариант социально-значимого поведения.

Вменяемость отражает определенный уровень сознания и социализации личности, ее социальный опыт, знания, умения, навыки, социально-психологические установки личности преступника (антисоциальные или асоциальные). Под социализацией понимается особый вид связи между личностью и обществом, обогащение человека социальным содержанием. В литературе отмечается, что социализация — это процесс становления индивида как личности, его формирования и развития, происходящий под воздействием различных социальных факторов (экономических, политических, правовых, моральных и т.п.), процесс усвоения человеком социальных эталонов, выработанных обществом, классом, данной социальной общностью, группой.¹ Вменяемым может быть только человек, достигший определенного возраста и обладающий во время совершения преступления совокупностью таких психических свойств, чтобы данное преступление могло быть ему вменено в вину. Сознательный характер поступков человека обуславливает его ответственность за то, что он совершает.

Каковы же те факторы, которые обуславливают способ-

---

¹ См.: Пашков А.С., Явич Л.С. К вопросу о роли правовых норм в социализации индивида. — В кн.: Человек и общество. Вып. IX. — Л., 1972, с.100.

ность человека как личности действовать умышленно или по неосторожности? Такими факторами являются: достижение лицом определенного возраста, обуславливающего медико-биологические, психологические и социальные свойства и качества личности; уровень ее социализации, социальный опыт, относительное психическое здоровье (отсутствие существенных дефектов психики) и достаточный уровень развития психических функций. Они в совокупности предопределяют вменяемость субъекта и его ответственность в уголовном праве. И вот почему.

Чтобы обладать способностью ко вменению (вменяемостью), т.е. способностью быть субъектом преступления: быть виновным и ответственным, человек должен достичь не только определенной ступени психофизиологического, но определенного уровня социального развития, приобрести соответствующий социальный опыт. Поэтому психическое здоровье и обусловленные им психические свойства человека — первая предпосылка "свободы воли" личности, ее способности действовать "со знанием дела".

Но этого недостаточно для обоснования ответственности субъекта. Сами по себе психическое здоровье и психические свойства личности не предмет уголовного права. Психические свойства личности интересуют уголовное право лишь постольку, поскольку приобретают социальную значимость и затрагивают сферу отношений, регулируемых уголовным правом. Они интересуют уголовное право в той степени, в какой обуславливают социальный опыт, уровень социализации личности, ее способность сознавать во время совершения преступления общественную опасность своего деяния и руководить им, а следовательно, способность быть виновным и ответственным за содеянное.

Следовательно, социальный опыт, уровень социализации личности — вторая предпосылка вменяемости в уголовном праве. Потому что личность человека как общественного существа формируется с момента рождения и является следствием процесса социализации. Как верно отмечается в литературе, благодаря процессу социализации человек приобретает

социальный опыт (конкретные свойства и качества), влияющий не только на его поведение в обществе, но и на характер и содержание этого поведения. Ибо приобретенный человеком социальный опыт может быть как позитивным, так и негативным.¹

Вменяемость тесно связана с возрастом уголовной ответственности, так как одной из предпосылок вменяемости является достаточное развитие психических функций и относительное психическое здоровье, а оно, как и социальный опыт, дается с возрастом. Следовательно, его недостижение устраняет предпосылку вменяемости, а стало быть и саму вменяемость. Разумеется, тут нет медицинского критерия (хотя имеется критерий юридический), но его место занимает возрастной, биологический критерий. Поэтому, если с позиции уголовного закона возраст и вменяемость — это два разных условия, то с гносеологических, социально-психологических позиций "вменяемость" (способность ко вменению), т.е. способность быть виновным и ответственным обязательно включает и возраст.

Третьей предпосылкой вменяемости, таким образом, следует считать достижение человеком определенного возраста, обуславливающего (наряду с другими условиями) такой характер развития его психических и социально-психологических свойств и качеств, которые позволяют ему, обладая "свободой воли", действовать "со знанием дела". Возраст является связующим звеном в системе: "психическое здоровье человека — возраст — социализация личности". Он в уголовном праве, наряду с вменяемостью, одно из обязательных общих условий признания лица виновным и ответственным за содеянное.

Вменяемость не поглощается возрастом, самостоятельным признаком субъекта преступления. Как общие признаки субъекта преступления, вменяемость и достижение определенного

¹ См.: Яковлев А.М. Преступность и социальная психология.— М., 1971, с.141; Кудрявцев В.Н. Право и поведение.— М., 1978, с.103.

возраста характеризуют важные свойства личности преступника: его психологическую и социальную зрелость. Вменяемость отражает уровень социализации личности. Она является общей предпосылкой уголовной ответственности (свойством субъекта позитивной ответственности) и одновременно критерием конкретной ответственности (в негативном аспекте), свойством субъекта преступления, предпосылкой для признания его виновным.¹ Устанавливая в ст.10 Основ уголовного законодательства возрастные критерии субъекта преступления (как общее правило - 16 лет, а по определенному кругу общественно опасных деяний - 14 лет), а также ограничивая совершеннолетием круг субъектов некоторых преступлений (напр., ст.80, 85, 210 УК РСФСР), законодатель презюмирует, что именно к данному возрасту люди, как правило, достигают такой психологической и социальной зрелости, что способны сознавать общественный смысл и характер соответствующих деяний и удерживаться от их совершения. Советская уголовно-правовая наука исходит из того, что возраст является (равно, как и вменяемость) одной из общих характеристик субъекта преступления, но не сам по себе, а в связи с теми социально-психологическими особенностями личности, показателями которых он является. Разумеется, у отдельных личностей психологические особенности и уровень социализации личности могут не соответствовать типичным, нормальным для данного возраста. Однако, уголовное право, "устанавливая четкие, формально определенные возрастные критерии, исходит не из подобных исключений, а опирается на типичные характеристики возрастных особенностей личности".² В то же время закон (ст.392 УПК РСФСР) не только позволяет, но и обязывает учесть в каждом конкретном случае индивидуальные отклонения лич-

¹ Астамиров З.А. Указ.соч.,с.24; Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву.- М., 1958, с.28-29.

² Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве.- Владивосток, 1970, с.89.

ности несовершеннолетнего от нормы при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием.

Таким образом, предпосылками вменяемости в уголовном праве, т.е. способности лица быть виновным и нести уголовную ответственность за содеянное, являются: а) общая социально-психологическая характеристика психического состояния личности (определенный уровень развития интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств и качеств личности); б) уровень социализации личности (степень социальной зрелости личности, ее социальный опыт, знания, умения, навыки); в) достижение определенного возраста и отсутствие существенных дефектов психики. В совокупности указанные предпосылки обуславливают способность осознавать свои отношения (вину), способность человека действовать "со знанием дела", т.е. его вменяемость (способность ко вменению) и способность нести уголовную ответственность. Очевидно, что и отсутствие вменяемости может зависеть и быть обусловлено факторами, относящимися как к самой личности, ее психофизиологическим особенностям и социально-психологическим свойствам и качествам (напр., недостижение определенного возраста, отсутствие социального опыта, недостаточный уровень психического развития, наличие патологических дефектов психики), так и к ситуации (напр., наличие экстремальных условий ситуации, могущих вызвать стрессовое состояние, обуславливающее кратковременные патологические нарушения психики и, следовательно, невменяемость человека).

О ПОНЯТИИ УБИЙСТВА В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Преступления против жизни в советской юридической литературе подвергались глубокому и всестороннему анализу. Однако, на наш взгляд, до сих пор в теории советского уголовного права нет четкого и точного определения понятия убийства, что предопределено несовершенством системы видов убийства в действующем уголовном законодательстве.

Определение убийства, как и определение любого другого преступления, должно соответствовать законодательным положениям и содержать указание на наиболее важные признаки этого деяния, которые раскрывают его содержание, а также отграничивают его от смежных деяний.

Многими теоретиками советского уголовного права убийство определяется как противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека¹. На первый взгляд, это определение кажется полным и точным, охватывающим как будто все элементы, необходимые для определения убийства. Указание на неправомерность отграничивает убийство от правомерного причинения насильственной смерти — напр., на поле боя, в состоянии необходимой обороны, приведение в исполнение приговора суда к смертной казни. Указанием на умышленность и неосторожность, к убийству приравнивается неосторожное лишение жизни человека и отграничивается случайное, невинное причинение смерти. А указание, что убийство — лишение жизни другого человека, отграничивает убийство от самоубийства.

¹ См.: Княжиленко А.А. Преступления против личности.—М.—Л., 1927, с.6. Пионтковский А.А. и Меньшагин В.О. Курс советского уголовного права: Особенная часть. Т.1.—М., 1955, с.158; Рашковская Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.—М., 1959, с.9; Аниязц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик.—М., 1974, с.15; Дурманов Н.Д. и др. Советское уголовное право. Особенная часть.—М., 1971, с.144 и др.

Но данное определение убийства нельзя считать совершенным, тем более — бесспорным. Некоторые авторы это определение убийства считают неприемлемым по той причине, что оно не отграничивает убийство от других преступлений, охватывающих, включающих в себя умышленное или неосторожное лишение жизни другого человека. Имеются в виду такие преступления, как террористический акт, бандитизм, а также различные нарушения правил, транспортные преступления и некоторые другие. С целью отграничения этих преступлений от убийства, Н.И.Загородников упомянутое определение убийства дополняет так: "... когда причинение смерти является основанием уголовной ответственности"¹. С.В.Бородин отвергает определение Н.И.Загородникова, как не вносящее существенного уточнения, и определяет, что убийство — это предусмотренное Особенной частью уголовного кодекса виновное деяние, посягающее на жизнь человека и причиняющее ему смерть².

Определение убийства как противоправного умышленного или неосторожного лишения жизни другого человека является несовершенным, так как это понятие убийства распространяется на тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, на многочисленные нарушения правил и другие преступления, включающие в себя неосторожное лишение жизни человека, ни фактически, ни формально не являющиеся убийством.

Предлагаемое Н.И.Загородниковым суженное определение (когда причинение смерти является основанием уголовной ответственности) справедливо отграничивает от понятия убийства причинение смерти по неосторожности при соверше-

---

¹ Загородников Н.И. Преступления против жизни по уголовному праву.— М., 1961, з.24.

² Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству.— М., 1966, с.6; Квалификация преступлений против жизни.— М., 1977, с.18.

нии таких преступлений, как нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, нарушение правил охраны труда и ряда других. Однако это определение является неприемлемым, так как оно за пределами понятия убийства оставляет случаи умышленного лишения жизни при террористическом акте, диверсии, бандитском нападении и т.д., т.е. те случаи, когда причинение смерти в сущности является убийством. Действие в этих случаях не квалифицируется по статьям, предусматривающим ответственность за убийство, так как оно по правилам конкуренции норм охватывается составом другого, более тяжкого преступления. Хотя убийство, совершенное в процессе осуществления данных преступлений и не является основанием уголовной ответственности, оно юридически остается убийством, содержит все признаки, необходимые для квалификации деяния убийством. Общесоюзный закон — статьи 3 и 4 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления — такое лишение жизни прямо называет убийством. Такое лишение жизни образует признак повторности в случаях совершения виновным нового убийства. Исключение из понятий убийства умышленного лишения жизни человека при террористическом акте, бандитском нападении и т.п. представляется необоснованным.

Определение, предлагаемое С.В.Бородиным, также исключает из понятия убийства умышленное лишение жизни при бандитизме, террористическом акте и т.п., и включает в это понятие неосторожное лишение жизни, совершаемое помимо нарушения определенных правил, в быту.

Еще в пятидесятые годы М.Д.Шаргородский выразил мнение, что под убийством следует понимать только умышленное лишение жизни человека.¹ Хотя подавляющее большинство

---

¹ Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. — М., 1948, с.38.

теоретиков советского уголовного права М.Д. Шаргородского по этому вопросу не поддержали, он остался при своем мнении¹. За исключение из понятия убийства случаев неосторожного причинения смерти высказываются и некоторые другие авторы².

Эта точка зрения нам представляется наиболее обоснованной.

Включение некоторых случаев неосторожного лишения жизни человека (когда это происходит помимо нарушения определенных правил) в понятие убийства косвенно основывается статьей 3 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик, устанавливающей, что основанием уголовной ответственности является как умышленное, так и неосторожное совершение преступления. Видимо, исходя из этого положения, в Особенной части уголовных кодексов союзных республик при определении видов убийств неосторожное лишение жизни человека, когда именно оно является основанием уголовной ответственности, называется убийством по неосторожности (ст.109 УК ЛитССР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Но имеется и исключение. Таким является УК Латвийской ССР, который не признает этого вида убийства и для обозначения соответствующего состава в ст.103 не употребляет термина убийство, а называет преступление лишением жизни по неосторожности.

Именование неосторожного лишения жизни убийством, выделение вида "неосторожного убийства", и включение этого деяния в понятие убийства поясняется историей развития права. Убийство - наиболее древнее преступление. Этому

¹ Курс советского уголовного права. Часть особенная, т.3.- Л., 1973, с.477.

² См.: Горелик И.И. и Маркушев М.Н. Преступления против личности в проекте УК БССР.- Правоведение, 1960, № 2, с.151; Жадбаев С.Х. Уголовно-правовая борьба с умышленными убийствами при отягчающих обстоятельствах по советскому законодательству. Автореф. канд.дисс.-Алма-Ата, 1964, с.2; Ляпунов Ю. Уголовная ответственность за действия, приведшие к неосторожному причинению смерти.- Сов.юстиция, 1973, № 9, с.15.

преступлению законодательством и теорией уголовного права разных времен уделялось исключительное внимание. Как справедливо отметил М.Д. Шаргородский, большинство вопросов общей части уголовного права решалось и развивалось посредством изучения убийства и применительно к этому преступлению¹. Понятие убийства с развитием науки уголовного права постепенно уточнялось, довольно значительно изменялось. Так, если в законах прошлого под убийством понималось и этим термином называлось любое лишение жизни человека, в том числе и случайное, то сейчас понятие убийства значительно сузилось. Напр., в уголовном праве Франции в настоящее время только умышленное лишение жизни человека называется и именуется соответствующим французским термином. Действующее уголовное право многих стран, в том числе и социалистических, неосторожное лишение жизни убийством не называет, а теория уголовного права из понятия убийства неосторожное лишение жизни исключает.

Советские уголовные законы и большинство теоретиков пока придерживаются традиционных позиций в этом вопросе. Такое положение представляется инертным, необоснованным. Термин "убийство" подразумевает сознательную, целенаправленную деятельность. А неосторожность характеризуется тем, что виновный или не допускает наступления смерти человека как результата своего деяния, или даже не предвидит возможности таких последствий. Да и закон только незначительную часть деяний, включающих в себя неосторожное лишение жизни человека называет убийством — только если это произошло в быту. Аналогичные деяния в служебной, производственной или общественной деятельности убийством не называются, они чаще всего именуются "нарушением правил".

Такое яркое различие терминологии для обозначения однородных деяний — нелогично.

¹ См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. — М., 1948, с. 3^а.

Сторонники широкой интерпретации понятия убийства утверждают, что исключение неосторожного лишения жизни из понятия убийства означает попытку искусственного уменьшения общественной опасности и отрицательной морально-политической оценки этих деяний¹. Этот аргумент не убеждает. Во-первых, те же авторы исключают из понятия убийства все деяния, основание уголовной ответственности которых - не лишение жизни. Во-вторых, умышленное лишение жизни, т.е. настоящее убийство по сравнению с неосторожным лишением жизни является таким тяжким преступлением, что обозначение этих двух преступлений одним термином, объединение их под понятием "убийство", создает впечатление искусственного снижения общественной опасности и отрицательной морально-политической оценки убийства в целом. Убийство и неосторожное лишение жизни - понятия несовместимые. Это качественно различные преступления. Для обозначения таких качественно различных преступлений не только целесообразно, но и логически необходимо применять различные термины.

Чтобы решить этот вопрос, необходимо вмешательство общесоюзного законодателя. М.Д.Шаргородский предлагает объединить все случаи неосторожного причинения смерти, включая нарушения различного рода правил, в одной статье, не называя этого преступления убийством². Но это связано с ревизией многих статей УК.

Нам представляется более целесообразным этот вопрос решить путем уточнения только одной статьи. Статьи УК, предусматривающие ответственность за неосторожное убийство, достаточно изменить по примеру ст.103 УК Латвийской ССР, т.е. заменить в них термин "убийство" термином

¹ См.: Загородников Н.И. Преступления против жизни. - М.: 1961, с.22.

² Курс советского уголовного права: Часть особенная. Т.3. - Л., 1973, с.477.

"причинение смерти". Это означало бы отказ от неосторожного убийства как вида убийства. Тогда вполне обоснованно в теории уголовного права убийство определялось бы в точном соответствии с содержанием этого термина - как противоправное умышленное лишение жизни другого человека.

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ В
СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

I. Общественная опасность автотранспортных преступлений общеизвестна. Человеческие жертвы, значительный материальный ущерб, причиняемый народному хозяйству и гражданам, превращают проблему борьбы с аварийностью на транспорте в одну из актуальнейших проблем научно-технической революции.

Так, например, в Риге за последние десять лет в дорожно-транспортных происшествиях погибли более 1,5 тыс. человек, а получили увечья более 10 тыс. человек.

За это же время материальный ущерб от дорожно-транспортных происшествий составил более 1.200000 рублей.

Повышенной общественной опасностью обладают дорожно-транспортные происшествия, связанные с управлением транспортными средствами в состоянии опьянения. Статистические данные последних лет показывают, что каждое десятое дорожно-транспортное происшествие в Риге совершено водителем, находящимся в состоянии опьянения.

Только в 1981 году на территории ЛатвССР было выявлено 13272 случая управления транспортными средствами в состоянии опьянения.¹

К лицам, допустившим нарушения правил дорожного движения или правил технической эксплуатации транспортных средств, применяются меры дисциплинарного, административного, гражданско-правового, уголовно-правового характера.

Меры уголовно-правового характера — привлечение к уголовной ответственности и назначение виновному наказания — применяются лишь к тем лицам, которые совершили общественно опасные деяния, содержащие в себе состав конкретного

---

¹ Jirgens A. VAI komentārs.—Padomju jaunatne, 1982, 3. februārī.

преступления, предусмотренного определенной статьей уголовного кодекса.

Одним из таких составов преступления является управление транспортными средствами в состоянии опьянения, предусмотренное УК всех союзных республик.

Наряду с общепризнанными положениями относительно данного состава преступления, наметились и некоторые спорные вопросы, имеющие существенное значение для правильного применения ст.213-1 УК ЛатвССР и соответствующих статей других союзных республик.

2. Одним из наиболее дискуссионных вопросов уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения является вопрос - что следует понимать под лицом, лишенным права управления транспортным средством. Диспозиция ч.1 ст.213-1 УК ЛатвССР дает возможность двояко трактовать понятие лица, лишенного права за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Лицо может быть лишено водительских прав (1) как по приговору суда за преступление, предусмотренное ст.213 УК ЛатвССР (и совершенное в состоянии опьянения), так и (2) за административное правонарушение, выразившееся в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. В соответствии с п.12 постановления Пленума Верховного Суда СССР "О судебной практике об автотранспортных преступлениях" от 6 октября 1970 г. с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 25 февраля 1977 г., в отношении лиц вновь допустивших управление транспортным средством в состоянии опьянения, в первом случае наступает административная, а во втором - уголовная ответственность.

Поэтому многие авторы, присоединившись к позиции, занятой Пленумом Верховного Суда СССР, этот вопрос считают решенным.¹

¹ Коробеев А. Ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения.- Сов. юстиция, 1981, № 13, с.16-17.; Глястия В.К. Транспортные преступления.- В кн.: Курс советского уголовного права, Т.5.-Л., 1981, с.96-97.

Однако в литературе высказана и другая точка зрения, не совпадающая с разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда СССР.

В частности, Б.А.Куринов на протяжении многих лет последовательно отстаивает взгляд, в соответствии с которым уголовная ответственность по ст.213-1 УК ЛатвССР (ст.211-1 УК РСФСР) может наступать независимо от того, было ли правонарушение - управление транспортным средством в состоянии опьянения - преступлением или административным правонарушением. "Ведь не ясно, - пишет Б.А.Куринов, - почему, собственно, решение суда о запрещении управлять транспортным средством, вынесенное в отношении водителя - пьяницы, не превращает водителя в "лицо, лишенное водительских прав" за управление транспортным средством в состоянии опьянения? Представляется, что в этом смысле приговор суда не менее весом и авторитетен, чем решение отдела государственной автомобильной инспекции."

Управление транспортным средством в состоянии опьянения является административным правонарушением. Если же наступили последствия, предусмотренные ч.1-2-3 ст.213 УК ЛатвССР, административное правонарушение перерастает в преступление, обладающее по сравнению с первым, повышенной общественной опасностью. Управление транспортным средством в состоянии опьянения нередко приводит к такой ситуации, при которой движущееся транспортное средство выходит из под контроля водителя, становится неуправляемым и степень тяжести последствий не зависит от воли водителя и является делом случая. То есть одни и те же действия водителя, находящегося в состоянии опьянения, могут быть расценены как преступление или проступок в зависимости от последствий, не подвластных водителю.

I Куринов А.Б. Автотранспортные преступления: Квалификация и ответственность. - М., 1976, с.120.

Поэтому не вполне понятна позиция Пленума Верховного Суда СССР, считающего, что первое правонарушение за которое наступило лишение водительских прав должно быть лишь административным правонарушением. Текст диспозиции ч. I ст. 213-I УК ЛатвССР и соответствующих статей УК других союзных республик не дает оснований для подобного толкования лица, лишенного права на управление транспортным средством.

3. Другим, не менее дискуссионным вопросом, связанным с применением ст. 213-I УК ЛатвССР, является вопрос о квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 213 и 213-I УК ЛатвССР. В соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда СССР в случае совершения лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения, преступления, предусмотренного ст. 213 УК ЛатвССР, также при управлении транспортным средством в состоянии опьянения, дополнительной квалификации содеянного по ст. 213-I УК ЛатвССР не требуется.

По этому поводу в юридической литературе высказываются две противоположные точки зрения.

Одна часть ученых стоит на позиции, выраженной постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. Аргументация сторонников данной точки зрения сводится к следующему. Во-первых, по мнению некоторых авторов, одно преступление — управление транспортным средством в состоянии опьянения, лицом ранее лишенным водительских прав перерастает в другое более тяжкое преступление и поэтому квалификация преступления по ст. 213 УК ЛатвССР не требует дополнительной квалификации по ст. 213-I УК ЛатвССР.^I Другой аргумент сторонников данной точки зрения состоит в том, что при совершении преступления, предусмот-

^I Ефимов М. А. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. — Минск, 1971, с. 80.

ренного ст.213 УК ЛатвССР, нахождение лица в состоянии опьянения является отягчающим вину обстоятельством и тем самым исключает необходимость квалификации преступлений по совокупности.¹ Третий аргумент противников квалификации преступлений по совокупности, состоит в том, что "управление транспортным средством лицом, находящимся в нетрезвом состоянии, если повлекло тяжкие последствия, является частным случаем преступления, предусмотренного ст.211 УК"² РСФСР (ст.213 УК ЛатвССР).

Сторонники второй точки зрения исходят из того, что составы преступлений, предусмотренные ст.ст.213 и 213-1 УК ЛатвССР различаются формой вины и следовательно неосторожное преступление (предусмотренное ст.213 УК ЛатвССР) не может поглотить хотя бы и сходное, но умышленное преступление.³

Мы присоединяемся ко второй позиции и в ее подтверждение приведем еще один аргумент. Допустим, что имеются два однородных случая совершения преступления, предусмотренного ст.213 УК ЛатвССР, в обоих случаях водители находились в состоянии опьянения, с той лишь разницей, что во втором случае водитель был ранее лишен водительских прав за управление транспортным средством в состоянии опьянения. В первом случае налицо лишь одно отягчающее обстоятельство - нахождение водителя в состоянии опьянения. Во втором случае - два отягчающих обстоятельства, нахождение водителя в со-

---

¹ Коробеев А. Указ.соч., с.16.

² Куринов Б.А. Указ.соч., с.116.

³ Глистин В.К. Указ.соч., с.98.; Зеленский А.Ф., Панфилов П.Г. Борьба с пьянством на автотранспорте.- В кн.: Проблемы расследования и предупреждения дорожно-транспортных происшествий (материалы конференции).- Волгоград, 1974, с.48.;
Ляпунов Ю.И. Преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатацию транспорта.- Сов.кэтиция, 1968, № 17, с.13.

стоянии опьянения, кроме того повторность подобных действий, то есть управление транспортным средством в состоянии опьянения, совершенное повторно.

Поэтому квалификация преступлений по совокупности наиболее точно отражает правовую оценку содеянного.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что несмотря на имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г., следственные и судебные органы часто квалифицирует эти преступления по совокупности.¹

Конечно, суды должны неуклонно выполнять руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик и поэтому рассматриваемый вопрос может быть положительно решен только путем внесения изменений в п.12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 года.

Как известно, никем не оспаривается необходимость квалификации по совокупности в тех случаях, когда лица, находясь в состоянии опьянения, совершают угон транспортных средств. Квалификация таких действий по совокупности обосновывается тем, что здесь виновный совершает два разнородных преступления (ст.ст.197 и 213-1 УК ЛатвССР). Преступления, предусмотренные ст.ст.213 и 213-1 УК ЛатвССР, также являются разнородными, - по крайней мере по субъективной стороне - и таким образом, не поглощают одно другое.

3. Применительно к рассматриваемому составу преступления предметом обсуждения является также вопрос о стадиях его развития. В частности, С.Я.Улицкий считает возможным привлекать к уголовной ответственности за приготовление и покушение на совершение преступления, предусмотренного ст.213-1 УК ЛатвССР.²

¹ Dudars A. Par tiesu praksi autotransporta noziegumu lietā.-LPZR Augstākās tiesas biļetens, 1981, Nr.13, 47-48 lpp.

² Улицкий С. Уголовная ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения.- Сов. юстиция, 1972, № 6, с.10.

Данная позиция оспаривается Б.А. Куриновым, по мнению которого приготовительные действия и покушение находятся за пределами состава ст.213-1 УК ЛатвССР, поскольку "конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы практически исключает возможность предварительной преступной деятельности".¹

Точка зрения Б.А.Куринова несогласуется с учением о стадиях развития умышленного преступления, каким является управление транспортным средством в состоянии опьянения. Не случайно Б.А.Куринов подтверждение своей точки зрения видит в том, что "практическое доказывание приготовления и покушения на совершение рассматриваемого преступления чрезвычайно затруднительно".²

На наш взгляд, трудности доказывания субъективной стороны данного преступления, особенно на ранних этапах ее проявления, не служат аргументом в пользу позиции, занимаемой Б.А.Куриновым. Наука уголовного права никогда не связывала признание или непризнание того или иного деяния преступлением в зависимости от возможностей его процессуального доказывания.

---

¹ Куринов Б.А. Указ. соч., с.115.

² Там же, с.116.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Влияние презумпции невиновности обвиняемого на уголовно-процессуальную деятельность нельзя рассматривать без предварительного ответа на два существенных вопроса: а) что такое презумпция невиновности обвиняемого и б) относится ли она к числу принципов советского уголовного процесса. Казалось бы четкий ответ на эти вопросы, длительное время бывшие дискуссионными и решавшиеся неоднозначно, дан Пленумом Верховного Суда СССР, который в своем постановлении № 5 от 16 июня 1978 г. "О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту" указал: "В целях обеспечения обвиняемому (подсудимому) права на защиту, суды должны строго соблюдать конституционный принцип, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана вступившим в законную силу приговором суда"¹ (разрядка наша - М.Ш.). Однако в юридической литературе последних лет высказываются мнения как об уточнении приведенного выше определения понятия презумпции невиновности за счет включения в него указания не только на обвиняемого, но и на подозреваемого², так и об отрицании за презумпцией невиновности

¹ Бюллетень Верховного суда СССР, 1978, № 4, с. 8.

² Касумов Чингиз Сабир оглы. Презумпция невиновности в теории и практике советского уголовного судопроизводства: Автореф. дис. на соиск. учен. степени кандидата юрид. наук. - М., 1980, с. 5-6. Предлагаемое диссертантом уточнение едва ли является оправданным ввиду одного лишь характера процессуального положения подозреваемого, виновность которого в совершении преступления только предполагается.

обвиняемого значения конституционного принципа советского уголовного процесса¹, сопряженное с утверждением о том, что в ст.160 Конституции СССР сформулирована не презумпция невиновности, а принцип осуществления правосудия только судом.² Это последнее мнение, затрагивающее оценку значимости презумпции невиновности в советском уголовном процессе, желательно рассмотреть более подробно.

А.С.Кобликов полагает, что "... из ст.160 Конституции СССР (как и из ряда других ее норм) следует, что в советском уголовном процессе действует презумпция невиновности. Однако со всей определенностью надо подчеркнуть, что указанная статья Основного закона и ст.7 Основ уголовного судопроизводства формулируют принцип осуществления правосудия по уголовным делам только судом, а не что-либо иное. Содержание ст.ст.160 и 151 Конституции, название и содержание ст.7 Основ уголовного судопроизводства не оставляют на этот счет сомнений".³ Сказанное свидетельствует о том, что по мнению А.С.Кобликова, ни в Конституции СССР, ни в уголовно-процессуальном законодательстве формулировка презумпции невиновности не закреплена и она выводится из ряда конституционных и уголовно-процессуальных норм, гарантирующих защиту субъективных прав граждан.

---

¹ Кобликов А.С. Законность - конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. - М., 1979, с.39-407

² Кобликов А. Осуществление правосудия только судом. - конституционный принцип уголовного судопроизводства. - Сов. юстиция, 1980, № 28, с.7.

³ Там же, № 23, с.7.

Действительно, приведенная выше формулировка презумпции невиновности обвиняемого текстуально отличается от сформулированного в ст.160 Конституции СССР положения о том, что "никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом". Но текстуальное различие этих двух положений еще не означает сущностного различия между ними. И в этом и в другом случае главным сущностным моментом, ядром формулируемого правила является то, что признать виновным в совершении преступления может суд и только суд в своем приговоре, постановленном в соответствии с законом. Если это так, то следует согласиться с И.Л.Петрухиным в том, что в ст.160 Конституции хотя и нет формулировки, "которую традиционно принято считать презумпцией невиновности, однако в ней присутствуют все посылки, достаточные для логического вывода этого правового принципа"¹. Положение, сформулированное в рассматриваемой конституционной норме, с одной стороны, конкретизирует принцип осуществления правосудия только судом, закрепленный в ст.151 Конституции СССР, а с другой — содержит основание принципа презумпции невиновности.

Осуществление правосудия только судом и презумпция невиновности, хотя и неодинаковые по содержанию и конкретному проявлению, но взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга основополагающие, руководящие идеи советского уголовного процесса; его конституционные принципы. И эта связь настолько глубока и неразрывна, что определение одного из них не может не содержать основных элементов другого, как бы мы не стремились к этому.

¹ Петрухин И.Л. Презумпция невиновности — конституционный принцип советского уголовного процесса. — Сов.государство и право, 1978, № 12, с.19.

То обстоятельство, что ст. 7 Основ уголовного судопроизводства, воспроизводящая в части второй статью 160 Конституции СССР, называется "Осуществление правосудия только судом", вовсе не означает, что в ней сформулирован лишь принцип осуществления правосудия только судом. Если бы в этой норме Основ уголовного судопроизводства не содержалось исходное положение принципа презумпции невиновности, то, по-видимому, не было бы и тревожащих в недалеком прошлом научную совесть попыток объяснить не объяснимое - действие презумпции невиновности при наличии оснований признания виновным в совершении преступления на досудебных стадиях процесса, находивших обоснование в действовавшей до принятия Конституции СССР 1977 г. редакции ст. 7 Основ уголовного судопроизводства.

Здесь же, пожалуй, уместно заметить, что и после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. "О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик"^I, изданного с целью приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствии с Конституцией СССР, вопросы прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования по основаниям, предусмотренным ст. 5^I Основ уголовного судопроизводства, не получали, как представляется, своего логического разрешения в свете требования презумпции невиновности.

Исключение термина "виновный" из текста ст. 5-1 Основ уголовного судопроизводства и введение вместо него термина "лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления", едва ли снимает проблему признания виновным на досудебных стадиях процесса, если остаются основания прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям. Хотя по форме здесь все вроде бы правильно. Коль нет преступления, а

---

^I Ведомости Верховного Совета СССР, № 33, 19 августа 1981 г.

есть только деяние, содержащее признаки преступления, значит не решается и вопрос о виновности в совершении преступления, а устанавливается субъективное отношение лица к деянию, содержащему лишь признаки преступления. Но, если говорить о сущности, возникает необходимость уточнить, что же означает понятие, выраженное термином "лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления"? По-видимому, не что иное как наличие данных, дающих основание утверждать, что в деянии, совершенном определенным лицом, еще не установлены все элементы состава преступления, а лишь их признаки, отдельные черты происшествия, характерные для преступления или его материальных последствий, относящиеся главным образом к объекту и объективной стороне преступления. Такое утверждение находит свое обоснование, например, в ст.3 Основ уголовного судопроизводства, предписывающей компетентным органам возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления (разрядка наша - М.Ш.), и к их наказанию.

Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям есть по сути дела освобождение лица от уголовной ответственности и замена ее мерами общественного или административного воздействия. Но освободить от уголовной ответственности можно лишь в том случае, если за совершенное деяние установлена такая ответственность. Установлена же она за совершение преступления, а не за совершение деяния, содержащего признаки преступления. Как же можно освободить от того, что в данный момент лишь предполагается и для нас пока не существует, так как не ясно, есть ли в этом деянии состав преступления? Для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности и применении мер административного или общественного воздействия надо учитывать все элементы состава преступления, в том числе и виновность лица в его совершении, и уже на этой основе решать вопрос о возможности и достаточности для исправления лица, его

совершившего, названных мер воздействия. Установление виновности в совершении преступления и признание виновным в совершении преступления разные по объему понятия. Установить виновность в совершении преступления может и должен, например, следователь, а официально признать виновным в совершении преступления правомочен только суд. Но если освободить от уголовной ответственности можно лишь при совершении преступления, а признать виновным в этом может только суд, то не может идти речи о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования.

Объективности ради следует отметить, что в юридической литературе встречаются утверждения о том, что при прекращении уголовного дела на досудебных стадиях процесса по основаниям передачи в товарищеский суд, комиссию по делам несовершеннолетних, в связи с привлечением к административной ответственности или передачей на поруки обвиняемый не признается виновным и, стало быть, никаких проблем, связанных с презумпцией невиновности обвиняемого, не возникает. В качестве основного, а зачастую и единственного аргумента, приводится то обстоятельство, что судья, комиссия по делам несовершеннолетних и товарищеский суд не связаны выводами следователя, а передача на поруки невозможна, если лицо возражает против прекращения уголовного дела.¹ Все это, конечно, так. Однако приводимый аргумент бьет мимо цели. Связан или не связан общественный орган или судья выводами следователя — важно для решения ими вопроса о применении мер общественного или административного воздействия, но отнюдь не для освобождения от уголовной ответственности лица, чья виновность в совершении преступления публично провозглашается на досудебных стадиях процесса в официальном документе органа государственной власти.

¹ См., например: Сивачев А.В. Вопрос о виновности на предварительном следствии. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. II. Право, 1982, № I, с. 55-56.

Нельзя не сказать, далее, и о вопросах чисто процессуального порядка. В каком, например, процессуальном акте должно быть сформулировано деяние, содержащее признаки преступления и в каком порядке будет знакомиться с ним лицо, совершившее это деяние? В каком процессуальном положении будет находиться это лицо и каков порядок его допроса? В отношении кого будет прекращаться уголовное дело? В отношении свидетеля!? Ведь лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, как правило не может являться подозреваемым, поскольку к нему по обстоятельствам дела не будет применяться ни задержание, ни мера пресечения до предъявления обвинения и уже вообще не может выступать в качестве обвиняемого, ибо привлечение в качестве обвиняемого предполагает достоверное установление всех обстоятельств совершения преступления, обвинение в совершении преступления, а не в совершении деяния, содержащего признаки преступления. На все эти вопросы действующее уголовно-процессуальное законодательство ответа не содержит, да и вряд ли такой ответ может быть найден без ущерба для последовательного осуществления принципа презумпции невиновности в советском уголовном процессе. Представляется, таким образом, что замена термина "виновный" на термин "лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления" ничего в институте прекращения дела по нереабилитирующим основаниям не меняет. Этот термин нуждается в приведении в соответствие с Основным законом Союза ССР.

Несмотря на то, а точнее, именно в силу того, что в своей основе принцип презумпции невиновности содержится в ст. 160 Конституции, было бы полезным в теоретическом и практическом отношениях закрепить полную формулировку этого конституционного принципа в Основах уголовного судопроизводства и в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик как это сделано, например, в § 3 ст. I УПК ВНР 1973 г., посвященном презумпции невиновности, входящей в число основных принципов уголовного производства, закрепленных в данной статье.

Презимпция невиновности обвиняемого (подсудимого) действует не на всех стадиях советского уголовного процесса. Пределы ее действия несколько уже и ограничиваются, с одной стороны, привлечением в качестве обвиняемого (нижний предел), а с другой - вступлением приговора в законную силу (верхний предел), когда действует уже не презумпция невиновности, а презумпция истинности приговора, когда понятия "осужденный" и "виновный" становятся адекватными. В этой связи представляются ошибочными встречающиеся в юридической литературе утверждения о том, что презумпция невиновности действует и после вступления приговора в законную силу, в частности, на стадии надзорного производства, когда истинность вступившего в законную силу приговора оспаривается и появляются сомнения в его законности и обоснованности, выражающиеся в проверке его правильности соответствующим компетентным органом и принесении на этот приговор протеста. В такого рода случаях, по мнению, например, И.Д.Перлова "...должностные лица суда и прокуратуры, уполномоченные принести протест, а также судебно-надзорные инстанции, пересматривающие приговор, должны при решении вопроса о принесении протеста, как и при рассмотрении дела, руководствоваться презумпцией невиновности".^I

Появление сомнения в истинности приговора у лиц, компетентных на принесение протеста в порядке судебного надзора, свидетельствует лишь об одном - о необходимости разрешения этого сомнения. До тех пор, пока сомнение не разрешено, нельзя утверждать, что приговор неистинен, а если это так, то до разрешения возникшего сомнения действует презумпция истинности приговора, вступившего в законную силу. Разрешая сомнение в истинности приговора, надзорная инстанция или отклоняет протест, и тогда презумпция истинности приговора продолжает действовать в своем новом качестве; или отменяет приговор, и тогда, и только тогда

---

^I Перлов И.Д. Надзорное производство в уголовном процессе.- М., 1974, с.34-35.

презумпция истинности приговора прекращает действовать, уступая место действию презумпции невиновности обвиняемого. Таким образом, пока действует презумпция истинности приговора, презумпция невиновности исключается. Встречающаяся в литературе попытка представить дело так, что в стадии надзорного производства одновременно действуют и презумпция истинности и презумпция невиновности¹, то есть в одно и то же время признается, что осужденный и виновен, и считается невиновным логически ошибочно, не соответствует непротиворечивости и последовательности мышления.

Действуя в указанных нами пределах, презумпция невиновности влияет на характер и направленность уголовно-процессуальной деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел прежде всего своей высокогуманной сущностью. В самом общем смысле значение презумпции невиновности состоит в том, что ее осуществление является непрямым условием выполнения задачи правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Презумпция невиновности порождает необходимость объективного исследования всех обстоятельств, связанных с привлечением в качестве обвиняемого, установлением его вины и тем самым обеспечивает охрану прав обвиняемого, законность в уголовно-процессуальной деятельности.

Конкретизированное проявление в уголовно-процессуальной деятельности значимости презумпции невиновности находят в вытекающих из нее более частных положениях (следствиях), основными из которых являются: 1) обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на том, кто обвиняет, 2) неразрешенные сомнения толкуются в пользу обвиняемого, 3) недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности.

---

¹ Касумов Чингиз Сабир оглы. Указ. соч., с.14.

Каждое из следствий презумпции невиновности богато по содержанию, существенно для исследования обстоятельств дела и для защиты прав и охраняемых законом интересов граждан. Так, положение о том, что обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на лице, выдвинувшем обвинительный тезис, включает в себя и правило о том, что виновность обвиняемого в совершении преступления при производстве расследования обязан доказывать следователь (лицо, производящее дознание), а в судебном разбирательстве — обвинитель (обычно прокурор); и правило о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; и правило о том, что никакой из государственных органов, ведущих процесс, не вправе перелгать обязанность по доказыванию на обвиняемого, а также помогать показаниям обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер. Иначе говоря, рассматриваемое положение презумпции невиновности определяет такой характер уголовно-процессуальной деятельности по доказыванию виновности обвиняемого, который обеспечивает последнему реальную защиту его прав. Кроме того, это положение презумпции невиновности оказывает непосредственное влияние и на решение проблемы уголовно-процессуальных функций на стадии предварительного расследования, все еще не получившей однозначного решения и остающейся дискуссионной. Общеизвестно, что значительное число процессуалистов отрицает наличие в уголовно-процессуальной деятельности на предварительном следствии функции обвинения, считая формулировку и предъявление обвинения в лучшем случае элементом функции расследования.¹ Поскольку рассмотрение проблемы уголовно-процессуальных функций в целом выходит за рамки данной работы, укажем здесь лишь на то, что вытекающая из презумпции невиновности обязанность следователя по объективному, всестороннему и полному доказыванию виновности обвиняемого представляет собой последовательную совокупность взаимо-

¹ См.: Советский уголовный процесс/Под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева.— М., 1980, с.16.

связанных процессуальных действий, составляющих отдельное направление уголовно-процессуальной деятельности на предварительном следствии, то есть не что иное как функцию обвинения.

Определенное влияние на уголовно-процессуальную деятельность по доказыванию имеющих значение для дела обстоятельств оказывает и положение о толковании сомнений в пользу обвиняемого, суть которого состоит в том, что "когда установленные факты (имеющиеся доказательства) позволяют сделать не один, а несколько вытекающих из них выводов, следует делать только тот вывод, который более благоприятен обвиняемому, говорит в его пользу"¹. Активизируя деятельность по доказыванию, направляя ее на все более полное и всестороннее исследование обстоятельств дела, положение о толковании сомнений в пользу обвиняемого вместе с тем гарантирует подсудимому, что обвинительный приговор в отношении его будет вынесен не на основе предположений, а на основе достоверных данных не только о виновности в совершении преступления, но и о всех других обстоятельствах дела (например, о размере причиненного ущерба, отягчающих обстоятельствах, цели, мотиве и т.д.). Таким образом, толкование сомнений в пользу обвиняемого имеет значение и для объективности, всесторонности и полноты исследования, установления истины по делу, для обеспечения обвиняемому права на защиту.

Положение о толковании сомнений в пользу обвиняемого (подсудимого) не сформулировано в законе. Однако его исходные посылки содержатся в части 4 ст. 43 Основ уголовного судопроизводства, которая устанавливает, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии; если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступле-

¹ Нажимов В.П. Дискуссионные вопросы учения о принципах советского уголовного процесса. - В кн.: Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Вып. 4. - Калининград, 1975, с. 35.

ния доказана. Разъясняя эту норму Основ, Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 30 июня 1969 г.

"О судебном приговоре" впервые сформулировал, что "все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого"¹. При этом, конечно, было бы неверным считать, что коль скоро речь идет о подсудимом да еще в постановлении под таким названием, то и положение о толковании сомнений относится лишь к стадии судебного разбирательства. Ст.3 Закона о Верховном суде СССР устанавливает, что "руководящие разъяснения Пленума Верховного суда СССР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение." Положение о толковании сомнений в пользу обвиняемого обязательно также для органов расследования и прокуратуры при вынесении ими процессуальных решений. Разумается, однако, что не ко всяким сомнениям относится рассматриваемое положение презумпции невиновности. В пользу обвиняемого толкуется лишь такое сомнение, которое не представилось возможности устранить, несмотря, скажем, на применение всех, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, средств для проверки того доказательства (или их совокупности) по поводу истинности которого возникли сомнения. И, наконец, в пользу обвиняемого толкуется не только сомнение в отношении доказанности фактов, подтверждающих обвинение (или доказанность обвинения в целом), но и сомнения в отношении фактов, опровергающих обвинение, то есть, когда, утверждение обвиняемого (подсудимого) об обстоятельствах, свидетельствующих о его невиновности, в ходе производства по делу достоверно не подтверждено и не опровергнуто и сделать это не представляется возможным, оно должно истолковываться и в пользу обвиняемого (подсудимого).

---

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР, 1924-1973.- М., 1974, с.582.

С правилом толкования сомнений тесно связано и другое, являющееся следствием презумпции невиновности, положение — недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности, которое логически завершает действие презумпции невиновности обвиняемого (подсудимого) для тех случаев, когда она остается непровергнутой. Значение этого положения для уголовно-процессуальной деятельности состоит в том, что оно, обеспечивая охрану прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве, четко определяет характер содержания и вид решения, которое должно быть принято органом расследования или судом если в ходе процесса не удалось с достоверностью доказать ни виновность, ни невиновность лица в совершении преступления. Такого рода ситуация явление относительно редкое, однако полностью исключить их из практики нельзя, несмотря на возросший уровень квалификации следственных работников и новейшие научно-технические средства раскрытия преступления. Объясняется это тем, что при определенных условиях познавательная деятельность следователя по установлению истины в силу ряда причин объективно не может привести к положительному результату. Остаются неустранимые сомнения в доказанности обвинения, т.е. нет уверенности ни в виновности, ни в невиновности обвиняемого. Несмотря на это, в силу презумпции невиновности суду (следователю в пределах своей компетенции) в своем решении надлежит из двух вариантов (виновен или невиновен) избрать один. О том, что в этой ситуации может быть принято только одно решение — не виновен и определяет положение: недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности. Таков единственный, логически верный вывод, который следует из презумпции невиновности.

На основании этого вывода отдельные процессуалисты ставят под сомнение правильность содержащейся в п.2 ст. 208 УПК ЛатвССР и соответствующих статей УПК других союзных республик формулировки основания прекращения уголовного дела (при недоказанности предъявленного обвинения и отсутствии возможности собрать дополнительные до-

казательства), полагая, что такая формулировка позволяет усомниться в действительной невинности обвиняемого и предлагают заменить ее другой, говорящей о неучастии обвиняемого в совершении преступления.¹ Возражая против изменения формулировки закона о недоказанности предъявленного обвинения, В.П.Нажимов считает, что выбор при альтернативе "участвовал - не участвовал" (что равнозначно альтернативе "виновен - невинновен") может оказать "медвежью услугу", так как следователь (суд), если учесть их психологию, скорее всего выберут "участвовал", коль скоро какие-то доказательства на этот счет имеются. "Презумпция невинности и толкование сомнений в пользу обвиняемого фактически будут, - пишет В.П.Нажимов, - перечеркнуты, так как следователю и судьям, по существу, будет запрещено предполагать или сомневаться. Конечно, не случайно и не по прихоти законодателя уже судьи Древнего Рима использовали в своей работе три варианта решений: *absolvo* - освобождаю, оправдываю; *condemno* - осуждаю, приговариваю; *liquet* - недостаточно доказано. Если позднее никому не удалось сократить их количество до двух, то, конечно, не потому, что до этого никто не смог додуматься, а лишь потому, что такое сокращение противоречило бы не только встречающимся фактам действительности, но и законам психологии".²

В основе соглашаясь с мнением В.П. Нажимова о сохранении формулировки, указанной в п.2 ст.208 УПК ЛатвССР (соответствующих нормам УПК других союзных республик), сле-

¹ Савицкий В.М. По поводу уголовно процессуальных гарантий права невинного на реабилитацию. Сов. государства и право, 1965, № 9, с.49-52; Рахунов Р.Д. Только истина. - Известия, 21 янв. 1968; Савицкий В. Право на доброе имя. - Известия, 30 янв. 1968; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. - М., 1958, с.341; Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. - Л., 1959, с.134; Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. - М., 1979, с.315.

² Нажимов В.П. Указ.соч., с.13.

дует возразить лишь по поводу приводимых им аргументов. Прежде всего, корректно ли, отталкиваясь от ничего не говорящей ссылки на "законы психологии", которые якобы побуждают следователя или судью к жестокосердию (для них приятней обвинить, чем оправдать), делать далеко идущие выводы? Не в праве ли мы в таком случае, ссылаясь также на "законы психологии" высказать противоположное утверждение, а именно, что следователь скорее всего откажется от решения "не доказано", коль скоро оно ущемляет его профессиональный авторитет? Такого рода "психологические" утверждения не могут, как представляется, служить в качестве аргумента. Далее, несомненно, что три варианта решений "виновен", "не виновен", "недостаточно доказано", применявшихся судьями Древнего Рима, соответствуют фактам действительности. И римские судьи были правы, если учесть, что они не руководствовались положениями презумпции невиновности, действующими в советском уголовном процессе. Пусть их это обстоятельство не тревожит. Суть дела здесь в другом - в основаниях признания невиновным. Именно в силу презумпции невиновности при ситуации "недостаточно доказано", когда наличествуют неустранимые сомнения в виновности, органы, ведущие процесс, обязаны сделать только один вывод - не виновен (что и следует, например, из части 3 ст. 304 УПК ЛатвССР, закрепляющей недоказанность в числе оснований постановления оправдательного приговора), в противном случае речи о презумпции невиновности быть не может.

В смысле основания признания невиновным и прекращения уголовного дела (постановления оправдательного приговора) формулировка закона о недоказанности предъявленного обвинения не нуждается в замене, поскольку она объективно отражает оценку собранных по делу доказательств, свидетельствующих, во-первых, о доказанности события преступления, во-вторых, о недоказанности участия данного лица в его совершении, в-третьих, об отсутствии возможности в получении дополнительных доказательств виновности данного лица в совершении преступления. При этом представляется

необходимо дополнить нормы, регламентирующие это основание решения по делу, указанием на то, чтобы в решении не содержалось утверждений, ставящих под сомнение вывод о невинности лица в совершении преступления, и вести речь не о прекращении уголовного дела, а о прекращении уголовного преследования.^I

Презумпция невинности обвиняемого — конституционный принцип советского уголовного процесса. Четкое и полное ее закрепление в уголовно-процессуальном законе, а также законодательное закрепление вытекающих из нее положений окажут плодотворное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность по выполнению задач уголовного судопроизводства и обеспечению прав и охраняемых законом интересов граждан.

---

^I Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. За дальнейшее укрепление социалистической законности в уголовном судопроизводстве. — В кн.: Вопросы государства и права. — Л., 1964. с.176.

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В РАССЛЕДОВАНИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНО- ДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

2-го октября 1952 года был принят первый уголовно-процессуальный кодекс Германской Демократической Республики, § 3 которого подчеркивал необходимость тесного сотрудничества правоохранительных органов с общественными организациями.

Претворяя в жизнь это требование закона, органы расследования преступлений добивались хороших результатов, о чем немало писалось в литературе того времени. Так, например, К.Роте не без основания утверждал, что участие трудящихся дает возможность расследовать преступления быстрее, основательнее и более полно.¹

В период с 1952 по 1968 годы в государственной и общественной жизни ГДР произошли значительные изменения, потребовавшие своего отражения и в уголовно-процессуальном праве. 1-го июля 1968 года вступил в силу новый уголовно-процессуальный кодекс Германской Демократической Республики. В новом УПК значительно расширена сфера участия трудящихся в уголовном судопроизводстве. Последовательное привлечение граждан к участию в расследовании преступлений

I
Rothe K. Über die Zusammenarbeit mit den Werktätigen bei der Verbröchungskämpfung.-In : Methoden der Zusammenarbeit mit den Werktätigen bei der Verbröchungskämpfung.-Berlin, 1959 S.20

См. также: Алексеев Н.С. Основы уголовного права Германской Демократической Республики.- Л., 1960, с.104-106; Hiller F., Pfaff H. Die Aufgaben der Volkspolizei bei der Bekämpfung von Eigentumsverbrechen und Verbrechen im sozialistischen Handel.-In : Methoden der Zusammenarbeit mit den Werktätigen bei der Verbröchungskämpfung.-Berlin, 1959 S. 73-74.

и к судебному разбирательству дает весьма положительные результаты, поэтому в целях претворения в жизнь ленинских идей о роли трудящихся в укреплении социалистической законности и усилении общественного начала в уголовном судопроизводстве законодатель 19 декабря 1974 года внес соответствующие дополнения в УПК.

Активизации участия граждан в судопроизводстве способствует также Конституция ГДР и УК ГДР. Так, в Конституции ГДР отмечается, что борьба с преступностью и ее предупреждение является общим делом социалистического общества, государства, всех граждан и что участие граждан в деятельности правоохранительных органов гарантировано законом (статья 90). "Общество и государство, говорится в статье 87 Конституции, - обеспечивают законность путем привлечения граждан и их коллективов к участию в правоохранительной деятельности, к общественному и государственному контролю за соблюдением социалистического права."¹

Социалистическая единая партия Германии постоянно уделяет внимание усилению роли трудящихся во всех сферах жизни страны.

В своих выступлениях Э. Хонекер неоднократно подчеркивал необходимость шире привлекать трудящихся к непосредственному участию в государственных и общественных делах.²

О повышении роли участия общественных сил в судопроизводстве отмечалось в отчетном докладе Центрального Комитета на VII съезде СЕПГ.³ О дальнейшем развитии социалисти-

---

¹ Германская Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты. - М., 1979, с. 368.

² См., например: Honecker E. Mit neuen Erfolgen zum 25. Jahrestag der DDR. - In: Bericht und Schlußwort der 12. Tagung des Zentralkomitees der SED. - Berlin, 1974, S. 117.

³ Honecker E. Bericht des Zentralkomitees an den VIII. Parteitag der SED. - Berlin, 1971, S. 67.

ческой демократии, в том числе и в области правотворчества, шла речь на IX съезде Социалистической единой партии Германии в 1976 году.¹

§ 4 Закона о прокуратуре ГДР обязывает прокуратуру обеспечивать привлечение трудящихся и их коллективы к поддержанию социалистической законности, к обеспечению порядка и безопасности.²

Активному участию граждан в уголовном судопроизводстве способствует и уголовный кодекс ГДР: его § I провозглашает участие граждан в укреплении социалистической законности, а § 6 посвящен праву граждан на участие в работе государственных правоохранительных органов по уголовным делам в качестве заседателей и представителей коллективов. § 31 УК ГДР предоставляет право коллективу трудящихся взять на себя поручительство за обвиняемого и предложить суду назначить наказание без лишения свободы. Комментаторы УК полагают, что поручительство может взять на себя не только трудовой коллектив, но и общественная организация, членом которой является правонарушитель. Поручителями могут быть несколько коллективов.³ В п.3 § 30 УК сказано, что наказание без лишения свободы способствует усилению воспитательной роли социалистических коллективов и общественных организаций в ликвидации правонарушений.

¹ Schöneburg K. Entfaltung der Sozialistischen Demokratie als Hauptrichtung der Staats- und Rechtsentwicklung.- Neue Justiz, 1976 16/17, S.473.
Honecker E. Bericht des Zentralkomitees der SED an den IX. Parteitag der SED.- Berlin, 1976, S.113.

² Германская Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты.- М., 1979, с.254.

³ Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik. Kommentar.- Berlin: 1981.- S. 137.

После принятия нового УПК (1968) вопрос о вовлечении трудящихся в сферу уголовного процесса стал одним из актуальнейших. Партийные органы призывали трудящихся активнее включаться в борьбу с правонарушениями, а правоохранительным органам рекомендовалось шире привлекать коллективы к участию в уголовном судопроизводстве. Сотрудник ЦК СЕПГ Г. Дрога писал, что задача правоохранительных органов заключается не только в том, чтобы не допускать правонарушения, но способствовать сознательному участию рабочего класса в укреплении социалистического правопорядка как на производстве, так и по месту жительства.¹

В 1971 году 80% всех преступлений были раскрыты при участии коллективов трудящихся, а в дальнейшем общественные силы привлекались почти по всем уголовным делам.²

В первых двух параграфах УПК подчеркивается, что задачей уголовного судопроизводства является быстрое и всестороннее раскрытие каждого преступления, выяснение и устранение причин и условий преступлений при непосредственном участии граждан.

§ I УПК воспроизводит зафиксированную в статье 90 Конституции ГДР обязанность всех граждан бороться за ликвидацию преступности. Участие граждан в уголовном процессе, взаимодействие органов юстиции и безопасности с другими государственными органами и общественными организациями — существенные формы осуществления гражданами своих прав в решении государственных и общественных дел (§ 4 и § 18).

---

¹ Drohla H. Die führende Kraft der Gesellschaft und unserer Klassenauftrag. — Forum der Kriminalistik, 1969/5 S. 196

См. также: Stelzer E. Aktuelle Aufgaben der sozialistischen Kriminalistik. — Forum der Kriminalistik, 1969/10, S. 445.

² Wendland G. Für einen höheren gesellschaftlichen Nutzen des Ermittlungsverfahren. — Neue Justiz, 1971/6, S. 223 Weber H. Mitwirkung der Arbeitskollektive im Strafverfahren — Verwirklichung der sozialistischen Demokratie. — Staat und Recht, 1975/3, S. 398

Законодатель, подчеркивая значение общественности в борьбе с преступностью, в главе УПК под названием "Общие положения, относящиеся к расследованию и судебному разбирательству", специально выделил как отдельный раздел - "Особые формы участия граждан". Такими гражданами являются - заседатели, представители коллективов, общественные обвинители и общественные защитники. Наиболее широко регламентируется институт представителя коллектива, привлекаемого как к расследованию, так и к судебному разбирательству преступлений в суде первой и второй инстанций. Представители коллективов в соответствии с законом (§ 53) призваны способствовать: 1) всестороннему раскрытию преступлений; 2) выяснению причин и условий преступлений; 3) выяснению личности обвиняемого и обвиненного (т.е. подсудимого - И.И.); 4) воспитанию виновного и 5) предупреждению преступлений.

По мнению прокурора Гюстровского округа ГДР А.Буске, помощь общественных сил в уголовном процессе необходима: 1) если для установления истины по делу без помощи общественных сил невозможно получить необходимые доказательства (например, в связи с профессиональной деятельностью обвиняемого; 2) если этого требует решение вопроса о справедливом наказании; 3) если помощь необходима для установления причин и условий, способствовавших совершению преступлений; 4) если можно ожидать, что перед судом встанет вопрос о возможности перевоспитания преступника в коллективе; 5) если необходима мобилизация общественных сил для профилактики конкретного вида преступления и 6) если требуется избрать представителя коллектива для участия в судебном разбирательстве^I.

С.Кюхлер, Р.Мюллер и Х.Плиц в работе, посвященной участию общественных сил в уголовном судопроизводстве, отмечают, что их привлечение органами расследования должно

---

^I Buske A. Kriterien für die differenzierte Mitwirkung gesellschaftlicher Kräfte im Strafverfahren und für die Zusammenarbeit mit Kollektiven der Werktätigen.-Neue Justiz, 1974/14, S.429-431.

осуществляться творчески, с учетом конкретной сложившейся ситуации расследования и возможностей общественных сил.¹

Закон обязывает представителей коллективов информировать свои коллективы о результатах расследования, а также, поскольку представители коллективов участвуют в судебном разбирательстве, о результатах рассмотрения дела в суде. В законе подчеркивается, что представитель коллектива является связующим звеном между коллективом и судом, между коллективом и прокурором (органом расследования). Такая связь, по мнению законодателя, должна способствовать обмену опытом между трудящимися и государственными правоохранительными органами.

Представитель коллектива выбирается и уполномачивается выступать от имени коллектива и по его поручению — представлять мнение коллектива по конкретному уголовному делу. Такой представитель может быть избран как по месту работы, так и по месту жительства обвиняемого или обвиненного.²

Закон (§ 53) обязывает суд, прокурора и орган расследования оказывать помощь и, в первую очередь, — правовую, представителю коллектива при выполнении им своих обязанностей.

По смыслу УПК под коллективом, в первую очередь, понимается трудовой коллектив по месту работы обвиняемого (например, бригада). Если обвиняемый не работает, тогда, в случае необходимости, можно привлечь представителя общественной организации, например, по месту его жительства.

I

Küchler S., Müller R., Plitz H. Differenzierte und wirksamere Mitwirkung gesellschaftlicher Kräfte am Strafverfahren. — Neue Justiz, 1979/5, S. 130-131.

2

"Обвиняемый по УПК ГДР — это лицо, против которого возбуждено уголовное преследование, этот термин не аналог термину "обвиняемый" по уголовно-процессуальному законодательству СССР. "Обвиненный" соответствует нашему "подсудимый".

Участвовать в судопроизводстве могут представители не-скольких коллективов: по месту бывшей работы, по месту работы и по месту жительства.

Случайное скопление граждан, участники конференции, совеща-ния и т.п. не составляют коллектив, так как они не представляют социально-психологическую общность, могущую дать надлежащую оценку содеянному и личности обвиняемого, причинам и условиям, обусловившим совершение преступления, мерам перевоспитания и т.д.^I

Закон специально предусматривает участие общественных сил в судопроизводстве по делам о несовершеннолетних — это составляет одну из особенностей УПК ГДР. В пятом разделе главы II: "Особенности судопроизводства по делам несовер-шеннолетних" регламентируется участие органов помощи моло-дежи (югендхилфе) в расследовании преступлений в суде. Это, конечно, не исключает возможность привлечения к участию в деле трудового коллектива или общественной организации.

По требованию прокурора, суда или органов расследования органы помощи молодежи обязаны участвовать в расследова-нии и в суде (§ 71). Закон называет обстоятельства, когда такое участие особо желательно: в случае рецидива; когда несовершеннолетний находится на попечительстве; когда "югендхилфе" уже ранее применяла воспитательные меры к данному несовершеннолетнему. Интересно отметить, что орган помощи молодежи, привлеченный к участию в расследовании, наделен правом самостоятельно опрашивать правонарушите-ля, членов его семьи или иных воспитателей по вопросам, ка-сающимся обстоятельств, в которых рос несовершеннолетний, воспитания и т.п. Представитель этого органа с разрешения прокурора и органа расследования может участвовать в до-просах, а участвуя в суде, он имеет право задавать вопросы и давать пояснения.

---

^I Petzold D. Strafprozessrecht. — Berlin, 1974, S. 56

Органы помощи молодежи должны способствовать выяснению личности несовершеннолетнего, оценке степени его виновности, назначению мер воспитания и т.п., поэтому они, как правило, привлекаются к участию в расследовании и судебном разбирательстве всех преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Задачей правоохранительных органов и органов помощи молодежи является всемерное содействие претворению в жизнь закона, принятого 28-го января 1974 года, об участии молодежи в построении развитого социалистического общества: "воспитать всех молодых людей беззаветно преданными идеям социализма гражданами, которые мыслят и действуют как патриоты и интернационалисты, укрепляют социализм и надежно защищают его от всех врагов".¹

Характеризуя судопроизводство по делам о несовершеннолетних в ГДР, профессор Н.С.Алексеев отмечает, что оно обеспечивает: "применение к несовершеннолетним правонарушителям мер, в первую очередь, воспитательных, а не наказания".² Так, например, 14 сентября 1981 года в городском суде гор.Берлина слушалось дело по обвинению двух молодых рабочих, которые, находясь в нетрезвом состоянии, в воскресенье вечером избили мужчину и оскорбили проходящих женщин. На суде присутствовал представитель коллектива. Дав положительную производственную и общественную характеристику подсудимым, он просил суд от имени коллектива передать их на перевоспитание коллектива. Суд удовлетворил просьбу коллектива.

---

¹ Германская Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты. - М., 1979, - 368 с.

² Алексеев Н.С. Борьба с преступностью несовершеннолетних в Германской Демократической Республике. - М., 1959, с.28.

При расследовании преступлений, совершенных молодежью, правоохранительные органы обращаются за помощью также и к ряду свободной немецкой молодежи. Следующий пример показывает роль и значение участия в судопроизводстве этой молодежной организации.

По делу 19-летнего Х. прокурор обратился за помощью к коллективу Союза свободной немецкой молодежи. На состоявшемся собрании коллектива, на котором присутствовал также прокурор, выяснилось, что эта молодежная организация вместе с профсоюзом уже приняла меры к перевоспитанию Х. В частности, были приняты меры к устройству его быта, его вовлечения в общественную работу, а также меры по повышению его рабочей квалификации. Это дало положительные результаты: Х. стал лучше работать и перестал нарушать дисциплину. Коллектив решил просить суд не лишать Х. свободы и передать его на поруки коллектива. Прокурор и суд согласились с мнением коллектива.²

В литературе высказывается мысль, что к моменту привлечения коллективов к участию в расследовании преступлений вина обвиняемого по делу должна быть доказана.³

Такое мнение обосновано спецификой УПК ГДР, по которому уголовное дело возбуждается не по факту преступного события, а против лица. Если к моменту возбуждения дела лицо не известно, то преследование возбуждается против "неизвестного" лица (§ 98), а при установлении лица, на которое обоснованно падает подозрение в совершении преступления, новым постановлением возбуждается уголовное преследование

¹ В соответствии с законом под понятие "молодежь" подпадают молодые люди в возрасте моложе 25 лет.

² Hartmann H. Enge Zusammenarbeit von Gewerkschaft und Jugendverband bei der Rechtserziehung Jugendlicher.- Neue Justiz, 1976/16, S.495

³ Kraft O. Die kriminalistische Untersuchung von Tiervergiftungen.-Berlin, 1965, S.167

против него и с этого момента он называется "обвиняемым". При наличии нескольких подозреваемых, дело возбуждается против "неизвестного".¹

Прокуратурой и уголовной полицией проводится большая работа в подготовительной к возбуждению расследования стадии (§ 92-100). В этой стадии проводятся опросы и другие проверочные действия. Опрашивается подозреваемое лицо, собираются документы и т.п. Следственные действия не допускаются (§ 95). Проверка носит оперативно-розыскной характер. Для получения сведений от граждан применяются средства массовой коммуникации: радио, пресса, листовки, плакаты, телефонограммы в адрес отдельных предприятий, учреждений и т.п. Для проверки возможности и необходимости возбуждения дела Генеральным прокурором ГДР установлен семидневный срок, который в отдельных случаях может быть продлен местным прокурором еще на 7 дней.

В интересах обеспечения процесса доказывания, считает Р.Петцольд, до возбуждения уголовного дела необходимо собрать материалы достаточные для суждения о том, какие именно преступные деяния совершены.²

Проводимая в стадии возбуждения расследования проверка направлена на выяснение факта совершения преступления определенным лицом, а также преследует цель не допустить возникновения среди коллективов неправильного общественного мнения и оградить отдельных лиц от необоснованного подозрения.³

---

¹ Petzold D. Strafprozessrecht.- Berlin, 1974, S.211-212

² Pätzold R. Auf die notwendigen Beweismittel konzentrieren.-Forum der Kriminlistik, 1974/5, S.218

³ Strafprozessrecht der DDR. Lehrkommentar.-Berlin, 1968 S.152-153

В отличие от уголовно-процессуальных кодексов других социалистических стран УПК ГДР § 102 (I) обязывает прокурора и органы расследования обеспечить участие общественных сил¹ в раскрытии преступлений.

Если в совершении преступления подозревается определенное лицо, то прокурор и орган расследования обязаны как только это позволяют обстоятельства, сообщить администрации по месту работы подозреваемого о деле. При наличии достаточных оснований к подозрению и, если можно полагать, что дело будет направлено в суд, то администрация по месту работы обвиняемого обязана созвать собрание коллектива для обсуждения содеянного. Прокурор и орган расследования обязаны сообщить администрации о необходимости проведения коллективного обсуждения и должны содействовать успешному его проведению. Это требует п.3 § 102 УПК, и также § 15 Закона о прокуратуре Германской Демократической Республики, обязывающие прокурора обеспечить содействие граждан раскрытию преступлений.²

В литературе высказано мнение о том, что одной из задач прокурорского надзора является надзор за привлечением органами расследования общественных сил, т.е. надзор за выполнением §§ 4 и 102 УПК ГДР.³

Важной формой деятельности прокуратуры ГДР является активное участие прокурора в созываемых собраниях коллек-

¹ Под общественными силами как в литературе, так и среди работников правоохранительных органов ГДР понимаются коллективы трудящихся, учащихся и общественные организации. См.: Weber H. Mitwirkung der Arbeitskollektive im Strafverfahren.-Verwirklichung der sozialistischen Demokratie.-Staat und Recht, 1975/3 S.403
Beyer K., Naumann H. Die Mitwirkung der Werktätigen am Strafverfahren.-Berlin:-Staatsverlag der DDR, 1966, S.24

² Германская Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты.- М., 1979, с.308.

³ Müller R. Aufgaben des Staatsanwalts bei der Leitung des Ermittlungsverfahren.-Neue Justiz, 1976/7, S.193-198
Gäse P. Die Verantwortung des Staatsanwalts zur Sicherung der differenzierten Mitwirkung gesellschaftlicher Kräfte im Strafverfahren - Neue Justiz 1974/17, S.524-525

тивов по поводу расследуемых уголовных дел (п.4 §102 УПК). В соответствии с законом участие прокурора на собрании коллектива трудящихся или общественной организации не обязательно.

Общепризнано, что участие прокурора способствует повышению правосознательности граждан и более активному обсуждению вопросов, связанных с расследованием уголовных дел.

Следует отметить, что прокуроры ГДР часто выступают на собраниях коллектива. Так, в 1979 году прокуроры участвовали на собраниях коллективов по 6239 уголовным делам.¹

Обычно прокурор участвует в тех собраниях, когда предполагается выдвижение ходатайства о поручительстве и передаче осужденного на перевоспитание; когда имеются основания прекратить уголовное преследование и передать дело на рассмотрение общественного суда; когда совершенное преступление связано с неблагоприятными условиями на производстве или в коллективе, а также в случаях, когда коллектив просит прокурора выступить на собрании.

Представители правоохранительных органов заинтересованы в участии на собрании коллектива: успех борьбы с преступностью во многом зависит от того, насколько руководители предприятий и учреждений (и вместе с ними весь коллектив) принимают эффективные меры к устранению обстоятельств, порождающих правонарушения. Правоохранительные органы должны воздействовать на администрацию и способствовать устранению этих обстоятельств.²

Руководитель предприятия (учреждения) обязан созвать собрание и способствовать тому, чтобы был выделен представитель коллектива для участия в судебном заседании. Пункт 4 § 102 УПК предусматривает факультативное участие в коллективном обсуждении дела не только прокурора, но и представителя органа расследования, однако, они обязаны оказывать всякое содействие руководству предприятия в подготовке собрания коллектива.

¹ Przybylski P. Öffentlichkeitsarbeit - fester Bestandteil der Bekämpfung der Kriminalität. - Neue Justiz, 1980/2, S.55

² Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik. Dokumente. Kommentar. Bd.2. - Berlin: 1969, S.430-431.

Принятие собранием решения фиксируется в протоколе. Так, например, по делу о краже социалистического имущества в малых размерах группой юношей, взломавших киоск табачных изделий, было проведено обсуждение в двух коллективах, поскольку двое работали на одном предприятии, а третий - на другом. В частности, 30 декабря 1976 года на заводе состоялось общее собрание, на котором присутствовал следователь и обвиняемый К.Х.

В протоколе собрания было отражено, что К.Х. в 1974 году после отбывания краткосрочного заключения, домой не возвратился и к июлю 1976 года сменил два места работы: его не устраивали заработок и жилье. Теперь, с 14.УП он работает на цементном заводе. На "Александрплац" он познакомился с новыми друзьями и узнал, что они собираются обворовать киоск. Поскольку он является курильщиком, а денег на сигареты не было, то решил участвовать в краже. К.Х. очень сожалеет о содеянном и обещает впредь краж не совершать. Обсуждение показало, что К.Х. можно перевоспитать. Поскольку К.Х. с большим уважением относится к начальнику смены П. и последний обязуется помочь К.Х. и ручается за него, то собрание на основании § 33 УПК ГДР назначает мастера Г. (в протоколе указаны его имя, год рождения и место жительства) своим представителем в судебном разбирательстве. В соответствии со § 57 УПК поручительство за К.Х. возлагается на начальника смены П. (указаны его имя, год рождения и место жительства). Протокол подписал руководитель собрания коллектива. Протокол составлен на типографском бланке. Судя по отметке на протоколе, он поступил в прокуратуру 4-го января 1977 года. Надо полагать, что представитель народной полиции разъяснил коллективу содержание § 53 и § 57, а также § 102 УПК, высказал свои соображения о возможности передачи его на поруки ввиду незначительного размера похищенного, чистосердечного признания и обещания исправиться.

Содержание выступлений отдельных членов коллектива в протоколе не отражено. К протоколу приложены: I) письменное обязательство К.Х. о возмещении материального ущерба

и 2) обязательство начальника смены П. о поручительстве.

Несоставление протокола проведенного собрания рассматривается как глубокое нарушение закона.¹ Отсутствие протокола собрания коллектива или наличие фиктивного протокола в деле могут быть основанием для отмены приговора. Так, например, 9 мая 1974 года Верховный суд ГДР отменил приговор районного суда поскольку в деле отсутствовал протокол собрания коллектива по месту работы обвиняемого.²

Анализ протоколов показывает, что представители правоохранительных органов выступают на собраниях по следующим вопросам: о мероприятиях по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений; о необходимости участия представителя коллектива в следственных мероприятиях; об участии представителя коллектива в суде; о возможных мерах по перевоспитанию обвиняемого.

По смыслу уголовно-процессуального законодательства ГДР обсуждение правонарушения в трудовом коллективе или в общественной организации является формой выражения общественного мнения о действиях и личности правонарушителя, о необходимой мере его наказания и перевоспитания. Это мнение учитывается судом при вынесении приговора. Чтобы мнение коллектива было обоснованным и веским, он должен располагать исчерпывающей соответствующей информацией, поэтому присутствие представителя органа расследования на собрании фактически является необходимым.

Участие коллектива в обсуждении совершенного преступления предусмотрено также § 128, который обязывает прокурора в случае ареста обвиняемого сообщить об этом в течение 24 часов по месту работы арестованного, а также его родственникам. Законом предусмотрены также исключения из этого правила. Получив такое сообщение, администрация

I

Hartwig E., Zahn R. Zur Abgrenzung der Verantwortlichkeit für die Einbeziehung gesellschaftlicher Kräfte im Strafverfahren.- Forum der Kriminalistik, 1967/4, S.29

2. Neue Justiz - 1974/17, S.531

по месту работы обвиняемого имеет право немедленно организовать обсуждение этого случая в коллективе.

Независимо от того, привлечены ли общественные силы к участию в расследовании и в судебном разбирательстве или нет, т.е. независимо от желания прокурора, органа расследования и суда, коллективы имеют право через своего представителя участвовать в судопроизводстве. Коллектив имеет право на своем собрании обсудить факт совершения преступления, личность обвиняемого, и направить протокол собрания для приобщения к делу, а своего представителя - для участия в судебном разбирательстве.

Показания представителя коллектива, данные суду, закон признает источником доказательств (§ 24).

Уполномоченный собранием коллектива представитель оказывает органам расследования помощь в установлении истины по делу. Он оказывает также необходимую помощь суду, если таковая требуется и, во всяком случае, допрашивается на суде как представитель коллектива.

Проведенный нами анализ уголовных дел показал, что трудовые коллективы привлекались к участию в расследовании всех изученных дел и что на всех собраниях коллективов присутствовал представитель органа расследования.

Анализ следственной практики свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев к участию в расследовании привлекаются трудовые коллективы, реже общественные организации по месту работы и еще реже общественные организации по месту жительства.

Как было сказано, п.3 № 102 предусматривает обязательное привлечение общественных сил, однако п.5 этого параграфа допускает отступление от выполнения этого требования при наличии к тому серьезных оснований, о чем в деле должен быть составлен документ. Что это за основания, закон не раскрывает. Этот вопрос решает прокурор и орган расследования.

В 1980 г. в статье "Актуальные задачи прокуратуры" Генеральный прокурор ГДР И.Штрейт подчеркнул, что одна из основных задач прокуратуры - это работа с общественными

силами, являющимися "замечательным инструментом в борьбе с преступностью".¹

Ограниченный объем настоящей статьи не позволил автору изложить все аспекты уголовно-процессуального законодательства ГДР по участию общественных сил в расследовании преступлений.

---

¹ Streit I. Aktuelle Aufgaben der Staatsanwaltschaft.-
Neue Justiz., 1980/10, S.435.

О ПОНЯТИИ СУДЕБНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Что является судебным доказательством по уголовному делу? Разнообразие взглядов, высказанных по данному вопросу, не позволяет дать однозначный ответ. В соответствии с одной точкой зрения доказательства — это только факты, в соответствии с другой — фактические данные, т.е. сведения о фактах, в соответствии с третьей — доказательствами являются как факты, так и фактические данные. Кроме того имеются сторонники "единого" и сторонники "двойственного" понимания доказательств. Наконец, расхождения в применяемой терминологии еще более усложняют сближение противоположных точек зрения.

1. Одна из существующих точек зрения судебными доказательствами считает факты. Противники этой точки зрения подвергли ее двоякого рода критике. Во-первых, многие ученые считают, что в данном случае необоснованно отождествляются понятия "факт" и "фактические данные". Во-вторых, сторонники двойственного понятия доказательств считают необходимым дополнить понятие доказательства указанием на то, что доказательства — это не только факты, но и также источники фактических данных.

Анализируемая нами точка зрения в том виде, как она излагалась М.А. Чельцовым и некоторыми другими представителями процессуальной науки, конечно, безупречна. Однако основная ее идея — доказательствами являются факты — заслуживает внимания, требует дальнейшего развития и всестороннего обоснования. Высказанные в ее адрес критические замечания частично неосновательны и лишь частично справедливы: они справедливы постольку, поскольку данная точка зрения не получила своего развития и завершенности. Рассмотрим эти вопросы по существу.

Некоторые ученые категорически возражают против определения доказательств как фактов. Они считают, что доказательства — это не факты, а фактические данные. Их аргументация сводится к следующему. Факты — это реальные собы-

тия, явления объективной деятельности, а фактические данные — это лишь сведения о фактах, т.е. идеальный образ реальных событий, явлений. Поскольку "в мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них",^I поскольку доказательствами могут быть лишь фактические данные, а не факты.

С указанным утверждением нельзя согласиться по следующим соображениям. Участники уголовного судопроизводства действительно в общении между собой оперируют мыслительным материалом — сведениями о фактах. Они оперируют понятиями, суждениями и умозаключениями, которые являются не только мыслительными формами, т.е. формами мысли, но являются также содержательными формами, ибо их содержание составляют факты. Иными словами, содержание фактических данных (или сведений о фактах) составляют факты. Фактические данные — это те же факты, но факты в форме мысли (в форме понятия, суждения или умозаключения). Для того, чтобы в общении между собой люди могли оперировать фактами, убеждая один другого в истинности высказываемых ими суждений, необходимо, чтобы эти факты предварительно вошли в сферу их познавательной деятельности и тем самым были бы превращены в мысль. Факты как явления объективной действительности прекращают свое реальное существование, но сохраняются в сознании размышляющих о них людей. Опирируя фактическими данными, участники уголовного судопроизводства тем самым в общении между собой оперируют фактами.

Недопустимо жестко разгораживать и противопоставлять как несовместимые и несоизмеримые факты и фактические данные. Факт (как объективная реальность) и фактические данные (как знания или мысли об объективной реальности) нераздельные и неразрывны, они даже взаимопроникают друг в друга и каждое из них содержится в другом. По этому пово-

---

^I Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М., 1973, с. 207.

ду К.Маркс писал, что "...факт не исключает мысли, как и мысль не исключает факта".¹ Это значит, что факт включает в себя мысль, а мысль включает в себя факт. Факты, в соответствии с марксистской социологией (здесь имеются в виду социальные, а не природные явления) - это "общественные действия личностей".² Действия личностей представляют собой осуществленные в жизнь намерения индивидов, их мысли, проявившие себя в действиях. Содержанием действия как факта является мысль индивида. Не случайно говорят, что о мыслях человека судят по его поступкам.

В такой же мере мысль, т.е. фактические данные включают в себя факт. В процессе познавательной деятельности индивида объективная реальность (факт) превращается в мысль и составляет содержание мысли. К.Маркс писал, что "... истина устанавливается благодаря полемике и что... факты извлекаются из противоположных суждений".³ Это возможно лишь потому, что содержание суждений составляют факты и, таким образом, обмениваясь фактическими данными, люди обмениваются фактами - познанными событиями прошлого. В трудах классиков марксизма-ленинизма можно найти не мало примеров подобного словоупотребления: доказательства ими рассматриваются как факты и как фактические данные.

Следует признать, что и судебные доказательства правомерно определять и как факты и как фактические данные: доказательства - это факты (явления объективной деятельности), вошедшие в сферу познавательной деятельности и преобразованные мышлением в форму мысли (форму сведений о фактах).

2. Анализируемая нами точка зрения относительно судебных доказательств как фактов подвергается в литературе критике также потому, что факты, которыми доказываются ви-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. I, с. 173.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 424.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 241.

новность или невиновность лица "не даются следствию и суду в готовом виде - эти факты сами должны быть доказаны".¹ Определение доказательств только как фактов, по мнению многих ученых, недостаточно: в качестве доказательств выступают также и источники сведений о фактах, например, показания свидетелей, следы пальцев рук обвиняемого на месте происшествия и т.д. Именно таким образом конструируется "двойственное" понятие доказательств: как фактов и как источников сведений об этих фактах.

"Двойственное" понимание доказательств недостаточно логично: "два параллельных определения доказательства - как факта объективной реальности и как источника сведений об этом факте"² внешне и искусственно соединены между собой, необходимые внутренние связи между обоими определениями судебного доказательства отсутствуют.

Сторонники "единого" понимания доказательства пытаются устранить два параллельных определения доказательства. В их представлении доказательства - это единство содержания (фактических данных) и процессуальной формы (источников, в которых такие данные содержатся). Высказывается мнение, что сторонники "единого" понимания доказательства лишь на словах, а не на деле устранили двойственное понимание доказательства³ и это мнение достаточно убедительно.

На наш взгляд, концепция "единого" понимания доказательства страдает и другими недостатками, на которые еще не обратили внимания ее критики. Основной недостаток этой концепции состоит в том, что она не согласуется с некоторыми положениями материалистической диалектики и, в частности, с положениями теории познания.

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. I. - М., 1968, с. 292.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М., 1973, с. 197.

³ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. - Казань, 1976, с. 98.

Сторонники "единого" понимания доказательства исходят из того, что фактические данные составляют содержание, а формой этого содержания выступают показания свидетеля, показания потерпевшего, показания подозреваемого, показания обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Как было показано ранее, сторонники "единого" понимания доказательства под фактическими данными понимают образы вещей или явлений, понятия или сведения о них,¹ т.е. нечто идеальное, а затем придают этому идеальному содержанию материальную форму в виде предмета, вещи, показаний или заключения (устной или письменной речи).

Фактические данные, т.е. нечто идеальное, не существуют вне головы размышляющего индивида: "... непосредственным носителем мысли, а тем самым и знания, являются не знаковые образования (конфигурации) в виде последовательностей звуков членораздельной речи или графических знаков на бумаге, а их чувственные образы".² Сказанное слово (устная речь) или написанное слово (письменная речь) не содержат в себе ни зерна идеального: язык лишь средство для передачи звуковых или графических сигналов, но не мыслей. "В процессе общения передаются только звуковые или графические сигналы, а не их языковые значения и не выражаемые посредством языка мысли, чувства и воля. Смысловое содержание приносится в языковые сигналы каждым из нас в результате жизненного опыта. Еще известный русский лингвист А.А.Потебня замечал, что "посредством слова нельзя передать другому свои мысли, а только можно пробудить в нем свою собственную".³ Свидетельством этому служат многочисленные факты различной интерпретации индивидами одного и того же написанного текста. Например, текст статьи 16 Основ

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М., 1973, с.207.

² Ведин Ю. Сущность и структура знания. - Рига, 1972, с.58.

³ Ножин Е.А. Мастерство устного выступления. - М., 1978, с.33.

уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик различными авторами толкуется по-разному, чему, конечно, способствуют неточности формулировки и применяемая терминология. Однако изложенное не противоречит тому, что текст ст.16 Основ не содержит знания, мыслей (как идеального): представления о том, что является доказательством по уголовному делу, возникает лишь в голове индивида, читающего эту статью. А поскольку индивиды придают различное значение одному и тому же тексту, то отсюда и расхождения в понимании доказательства.

В общении индивидов между собой выраженная ими во вне мысль опредмечивается, т.е. превращается в свою противоположность, в нечто материальное. Следовательно, ни устные показания допрашиваемого, ни протокол допроса (а также протоколы других следственных действий и иные документы) не содержат в себе фактических данных как сведений о фактах. Поэтому неправомерно показания допрошенных лиц, протоколы следственных действий, а тем более предметы и вещи (т.е. материальные следы преступлений) рассматривать как форму фактических данных. В этом основной недостаток концепции "единого" понимания доказательств.

В теории судебных доказательств возникла своеобразная ситуация: однозначное определение доказательств (либо как фактов, либо как фактических данных) оказывается недостаточным, а его "двойственное" определение - избыточным, т.е. включает в себя разноплановые явления.

На наш взгляд, доказательствами являются только факты (и тем самым понятию доказательства придается лишь одно значение). Но в то же время доказательства - это двоякого рода факты. Судебными доказательствами, в нашем представлении, являются не только факты, содержащиеся в фактических данных. Доказательствами являются также факты другого рода - следственные действия, в процессе которых выявляются фактические данные. Обнаружение на месте происшествия следа пальца подозреваемого лица или обнаружение следователем при обыске похищенной вещи является фактом. Является также фактом получение, например, от допрошенного сви-

детеля показаний об обстоятельствах расследуемого преступления.

Следственные действия по установлению и закреплению следов преступления связаны с выявлением как материальных, так и идеальных следов.

При работе с идеальными следами преступления протокол следственного действия (протокол допроса) фиксирует двоякого рода факты: факт дачи лицом показаний об обстоятельствах расследуемого преступления и факты, содержащиеся в фактических данных.

При работе с материальными следами преступления протокол следственного действия фиксирует:

- факт обнаружения материальных следов преступления (протокол осмотра места происшествия, протокол обыска, протокол выемки и т.д.),

- факт дачи лицом показаний (заключения) по поводу предъявленных ему материальных объектов и факты, содержащиеся в фактических данных (протокол предъявления для опознания, заключение эксперта и т.д.).

3. В юридической литературе широко распространено мнение, что факты - это действительные, невымышленные события, и поэтому они не могут быть истинными или ложными, достоверными или недостоверными, т.к. они объективная реальность; истинными же или ложными могут быть лишь сведения о фактах.

Иного мнения придерживаются советские философы. Поскольку факт не только реальное явление, но и отраженное в сознании явление как знание о явлении, "о нем можно сказать достоверный или недостоверный, т.к. факт имеет те же свойства, что и знание (достоверное знание или недостоверное).¹ "Не все факты оказываются достоверными,- пишет П.В. Копнин,- в ходе развития науки иногда устанавливается не-

---

¹ Вахтомян Н.К. Генезис научного знания.- М., 1973, с.188.

достоверность того, что признавалось за факт".¹ Данная точка зрения представляется единственно правильной.

Конечно, фактические данные, которыми оперируют в общении между собой индивиды (а тем самым и факты, которые в них содержатся) могут быть ложными. Алогичное мышление, т.е. мышление не соблюдающее правил формальной логики, может привести к несоответствующим действительности выводам и породить ложные факты. По этому поводу К.Маркс писал: "...неверное мышление неизбежно и произвольно фабрикует неверные факты, следовательно производит искажение и ложь".²

Факт, превращенный в мысль, может не соответствовать действительности не только в результате неверного мышления. Факты могут искажаться и преднамеренно. Примером этому служат случаи преднамеренного искажения истины потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми и обвиняемыми в уголовном судопроизводстве.

Поэтому факты, которыми люди оперируют в общении между собой, предварительно должны быть проверены. Не случайно В.И. Ленин неоднократно указывал: чтобы знать и в дальнейшем безошибочно действовать, нужно использовать лишь точные и допускающие проверку факты. Это означает, что факты, извлекаемые из тех или иных фактических данных, должны быть тщательно проверены, прежде чем их использовать в дальнейшем в практической деятельности как доказательства. Иными словами, выявленные при проведении следственного действия факты еще не являются доказательствами.

Нельзя согласиться с высказываемым мнением, что "полученные законным способом и зафиксированные в предусмотренной законом форме эти данные становятся доказательствами".³

---

¹ Логика научного исследования, - М., 1965, с.16.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.1, с.180.

³ Шейфер С.А. Следственные действия. - М., 1981, с.4.

Ближе к истине, на наш взгляд, высказанная Л.Д.Кокоревым мысль о том, что "в ходе наблюдений, опроса граждан и при проведении следственных действий (обыска, осмотра, допроса свидетелей и т.д.) следователю приходится иметь дело с большим объемом различной информации, сведениями о фактах, которые еще не стали доказательствами".¹ Изложенное положение требует некоторых уточнений. Во-первых, нельзя признать правильным утверждение, что некоторые фактические данные, выявленные следователем, становятся в момент их выявления доказательствами, а некоторые - еще не становятся. Во-вторых, подобного рода утверждения требуют дополнительных пояснений по поводу того, когда же эти фактические данные превращаются в доказательства. Превращение фактов (или фактических данных, содержание которых составляет факты) в доказательства - это вопрос, требующий специального обсуждения.

4. При расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, как было показано ранее, функционируют двоякого рода факты: факты выявления фактических данных и факты, которые содержатся в выявленных фактических данных. Эти факты обладают различными определениями в зависимости от того, какую функцию они выполняют. На зависимость определения того или иного явления от выполняемой им функции указывал еще К.Маркс.² При расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел факты выполняют различные функции, и следовательно, они должны иметь различные определения.

На наш взгляд, принципиальное значение имеет выделение я четкое разграничение двоякого рода функций выполняемых фактами - познавательной и доказательственной.

Следственные действия как факты выявления фактивных данных выполняют познавательную функцию. При проведении

---

¹ Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. - Воронеж, 1978, с. 206-207.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.23, с.193-194.

следственных действий следователь осуществляет познание и поэтому факты, содержащиеся в выявленных им фактических данных, позволяют ему устанавливать наличие или отсутствие общественно-опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Следователь в процессе познания не только выявляет факты, имеющие значение для правильного разрешения дела по существу, но и фиксирует результаты познания.

Выявленные и зафиксированные в протоколе следственного действия факты еще не являются доказательствами по двум причинам. Во-первых, выявленные факты могут быть ложными в результате заблуждения или преднамеренного искажения истины — фальсификации фактов, а поэтому они требуют их проверки другими фактами. Во-вторых, они являются средством установления искомого факта, т.е. выполняют в данном случае познавательную функцию. И это действительно так. Осматривая место происшествия, допрашивая свидетеля или производя другое следственное действие, следователь никому и ничего не доказывает. Его деятельность носит познавательный характер.

Когда же следователь установил истину по делу и формулирует в обвинительном заключении, обращенном к суду, свои выводы, он обосновывает их как ранее установленными и проверенными фактами, так и фактами их выявления при производстве следственных действий. В общении следователя и суда, осуществляемого посредством обвинительного заключения, факты, которыми оперирует следователь, выполняют доказательственную функцию — при их помощи он обосновывает свои выводы по уголовному делу. В данном случае факты являются доказательствами. Следователь при доказывании оперирует лишь точными, допускающими проверку фактами, поскольку материалами уголовного дела зафиксированы способы установления фактов, которыми он обосновывает свои выводы по делу.

5. Понятие доказательства тесно связано с другим понятием — "доказывание". В понятие доказывания разными авторами также вкладывается несовпадающее содержание. При

этом, по нашему мнению, существенное значение приобретает уточнение понятия "познание" и "доказывание".

По поводу соотношения показания и доказывания при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел высказываются различные точки зрения.

В доказывании некоторые авторы различают два аспекта, две стороны — познавательную и удостоверительную.¹ Сторонники другой точки зрения отождествляют познание и доказывание, считая это одно и то же.²

Наконец, некоторые ученые в доказывании различают два аспекта: (1) выяснение или установление фактов (т.е. познание) и (2) обоснование уже достигнутого вывода, тезиса другими фактами.³ Если унифицировать применяемую сторонниками данной точки зрения терминологию, то окажется, что доказывание складывается из познания и обоснования, т.е. доказывания в узком смысле слова.

На наш взгляд, вопрос о соотношении познания и доказывания при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел должен решаться так, как он уже разрешен в диалектической логике. Диалектическая логика рассматривает познание и доказывание как две относительно самостоятельные формы практической или теоретической деятельности.

При расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел также следует четко различать познание и доказывание. Познание — это выяснение или установление расследуемых фактов, приобретение знаний о расследуемом преступлении, а доказывание — это изложение познанных фактов и их обоснование другими фактами. Общее между судебным позна-

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе, с.289.

² Строгович М.С. Указ.соч., Т.1, с.296.

³ Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971, с.156; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Указ. соч., с.206.

нием и судебным доказыванием состоит в том, что как познание, так и доказывание — это оперирование фактами. Однако познание и доказывание как различные формы деятельности отличаются друг от друга своими целями, средствами и результатами.

Познание имеет своей целью установление расследуемого факта по его материальным и идеальным следам. Это достигается путем проведения следственных действий, при проведении которых выявляются факты, позволяющие установить искомый факт. Следовательно при производстве следственных действий не только познает интересующие его факты, но и фиксирует способы познания и полученные при этом результаты. То, что многие авторы именуют удостоверительной деятельностью и рассматривают ее как сторону или аспект доказывания — доказыванием; на наш взгляд, не является. Это лишь заключительный этап познания, а точнее, закрепление результатов познания, осуществляемого при производстве следственных действий. Результат познания — обладание следователем знаниями о фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела по существу. Образно-мыслительные модели познанных фактов объективизируются следователем в виде информационных моделей (протоколы следственных действий, схемы, планы, фотоснимки, магнитные ленты и т.д.).

Доказывание как форма практической деятельности следователя также обладает соответствующими целью, средствами и результатами. Цель доказывания, осуществляемого следователем, сводится к тому, чтобы показать, что те выводы к которым он пришел — истинны. Следует согласиться с мнением о том, что "в ходе доказывания не всегда обосновываются достоверные выводы, иногда эти выводы бывают ошибочными, но доказывание от этого не перестает быть доказыванием, оно оказывается только порочным.^I

---

^I Горская Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Указ.соч., с.209.

Ранее искомый факт теперь в доказывании функционирует как тезис. Другие факты, обосновывающие выдвинутый тезис, функционируют как доказательства.

Следователь последовательно выступает на предварительном следствии вначале как субъект познания, а в дальнейшем (т.е. в общении с судом посредством составленного обвинительного заключения) как субъект доказывания. Соответственно и суд, знакомясь с обвинительным заключением и проверяя обоснованность сделанных следствием выводов, в судебном разбирательстве выступает как субъект познания, а, постановляя приговор, обращенный к обществу, — выступает как субъект доказывания.

Факты, которыми оперируют следователь и суд в своей деятельности, могут выполнять различные функции и тем самым в познавательных процессах они являются посылками или выводами (искомыми фактами). В процессе доказывания те же факты функционируют или как предмет доказывания (доказываемый тезис) или как доводы, аргументы или доказательства.

Судебные доказательства, таким образом, — это факты, при помощи которых обосновывается наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти факты, в свою очередь, обосновываются способами их выявления — предусмотренными уголовно-процессуальным законом следственными и судебными действиями по установлению и закреплению материальных и идеальных следов расследуемого события.

ОБ УТОЧНЕНИИ ПОНЯТИЯ НЕОТЛОЖНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Одним из дискуссионных в теории советского уголовного процесса является вопрос о понятии и сущности неотложных следственных действий. Данный вопрос возник в связи с введением статьей 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года¹ термина "неотложное следственное действие". В законе не приводится определение этого понятия, поэтому уяснение его содержания справедливо рассматривается как одна из задач уголовно-процессуальной науки. К сожалению, в литературе нет единого взгляда на природу неотложного следственного действия, различные авторы в это понятие, используемое законодателем, вкладывают различный смысл. Несомненно, что уяснение сущности неотложного действия имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Известно, что статья 29 Основ и соответствующие статьи УПК других союзных республик² устанавливают, что по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, орган дознания "производит неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей". Данная статья породила множество споров по поводу того, какие следственные действия считать неотложными.

¹ В дальнейшем три ссылки на "Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик" для краткости будем их называть "Основами".

² Во всех УПК союзных республик воспроизведен тот же перечень неотложных следственных действий, что и в ст. 29 Основ, за исключением ст. 100 УПК ЭССР и ст. 101 УПК МССР, которые в качестве неотложного следственного действия дополнительно называют наложение ареста на имущество и действия по обеспечению гражданского иска или возможной конфискации имущества.

По этому поводу высказываются две противоположные точки зрения. Одни авторы, в частности, М.С.Строгович,¹ П.М.Давыдов², Л.В.Павлухин³, В.С.Чистяков⁴, М.Ю.Рагинский⁵ и некоторые другие полагают, что перечень следственных действий, приведенных в Основах и УПК как неотложных, не подлежат расширительному толкованию, и, в связи с этим, органы дознания не имеют права производить такие следственные действия, которые прямо не указаны в упомянутых статьях.

Другие авторы считают, что этот перечень можно и нужно подвергать расширительному толкованию и органы дознания вправе производить в качестве неотложных и иные, в законе неговоренные следственные действия. Эти авторы по разному аргументируют свою точку зрения и по разному представляют границы такого расширительного толкования закона.

В частности, Г.М.Миньковский⁶, З.Ф.Коврига⁷, М.С.Дьяченко⁸, М.И.Бажанов⁹, А.А.Лиеле¹⁰ и некоторые другие по-

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.2.- М., 1970, с.30.

² Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.П. Судопроизводство по новому УПК РСФСР.- Свердловск, 1962, с.150-151.

³ Павлухин Л.В. Расследование в форме дознания.- Томск, 1979, с.52.

⁴ Советский уголовный процесс/Под ред.Л.М.Карнеевой, П.А.Лупинской, И.В.Тырчева.- М., 1980, с.229.

⁵ Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР.- М., 1981, с.162.

⁶ Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.- М., 1961, с.188.

⁷ Коврига З.Ф. Дознание в органах милиции.- Воронеж, 1964, с.13.

⁸ Уголовный процесс/Под ред.М.А.Чельцова.- М., 1969, с.194.

⁹ Производство дознания по новому Уголовно-процессуальному кодексу УССР.- В кн.: Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.- Уч. зап. Харьковского университета, вып.16, 1962, с.59-60; Советский уголовный процесс/Под общ.ред.М.И.Бажанова, Ю.М.Грошевого.- Киев, 1978, с.202.

¹⁰ Lielde A. Kriminālprocess (sevišķā daļa): Tiesvedības norise krimināllietās-R., 1973., 41.lpp.

лагают, что перечисленные в законе неотложные следственные действия, которые вправе производить органы дознания, в некоторых случаях обозначены собирательными терминами, которые охватывают все смежные или родственные следственные действия. По этой причине перечень следственных действий, приведенный в законе, по мнению сторонников данной точки зрения, дает право органам дознания в качестве неотложных производить и еще такие следственные действия как очные ставки, предъявление для опознания, получение образцов для сравнительного исследования, следственный эксперимент.

Расширительное толкование закона отстаивают также М.А. Чельцов¹, В.А.Иванов² и Е.А.Матвиенко³, но в отличие от указанных ранее авторов, необходимость подобного толкования они мотивируют потребностями практики. Кроме того, они не приводят полный перечень всех тех следственных действий, которые, по их мнению, следует признать неотложными. Называя в качестве неотложных некоторые из них, они тем самым не определяют пределы расширительного толкования закона. В связи с этим Е.А.Матвиенко справедливо отмечает, что "нельзя без достаточных оснований расширять круг таких действий, так как это привело бы к ненужной задержке в производстве дознания, к подмене предварительного следствия дознанием".⁴ Кроме того, в отличие от первой группы сторонников расширительного толкования закона, М.А.Чельцов допускает также проведение экспертизы, а Е.А.Матвиенко - наложение ареста на имущество.

¹ Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. - М., 1962, с.249.

² Иванов В.А. Дознание в советском уголовном процессе. - Л., 1966, с.31.

³ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Белорусской ССР. - Минск, 1968, с.169-190.

⁴ Там же, с.170.

И.К. Шахриманьян придерживается мнения, что "перечень неотложных следственных действий не является исчерпывающим. Органы дознания уполномочены проводить любое следственное действие, необходимое для установления и закрепления следов преступления, промедление с производством которых может отразиться на полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела".¹ Данную точку зрения поддерживает и П.П.Цветков². Они подробно не мотивируют свое мнение, не уточняют перечня предлагаемых ими неотложных следственных действий и тем самым придерживаются наиболее широкого толкования закона.

Одной из основных причин, породившей такой многообразный и порой противоположный подход к толкованию понятия неотложных следственных действий, является то, что в самом законе не раскрыта правовая природа неотложного следственного действия. Следует прийти к выводу, что правовую природу неотложных следственных действий возможно выяснить путем тщательного анализа и сопоставления норм действующего уголовно-процессуального законодательства.

Нам представляется, что неотложным следственным действиям присущи следующие признаки, раскрывающие их правовую природу: безотлагательность, незаменимость и обязательность их производства. Впервые признаки неотложных следственных действий выделен и подробно их описал В.И.Куклин в монографии "Неотложные следственные действия".³ В дальнейшем этот вопрос исследовал также Л.Е.Сигалов.⁴ Предлагаемая нами система признаков неотложных следственных действий в некоторой мере расходится с их предложениями.

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Молдавской ССР. — Кишинев, 1966, с.107.

² Уголовный процесс/Отв. ред. Н.С.Алексеев, В.З.Лукашевич, П.С.Элькинд. — М., 1972, с.238.

³ Куклин В.И. Неотложные следственные действия. — Казань, 1967.

⁴ Сигалов Л.Е. Теория и практика неотложных следственных действий: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. — Свердловск, 1969.

Безотлагательность неотложного следственного действия означает, что следственное действие должно проводиться немедленно в самом начале предварительного расследования, чтобы предотвратить исчезновение или уничтожение следов преступления. Задержка с производством таких следственных действий, как правило, влечет за собой затруднения в раскрытии преступления.

С безотлагательностью тесно связан признак незаменимости неотложного следственного действия, под которым следует понимать установку, что "тот или иной доказательственный факт рациональнее и эффективнее устанавливать лишь теми следственными действиями, которые предназначены для данной ситуации".¹ Признак незаменимости объясняет то, почему именно данное, а не иное следственное действие является безотлагательным.

Обязательность производства неотложных следственных действий означает обязанность органа дознания совершать необходимые следственные действия в силу их безотлагательности и незаменимости. Такая необходимость в каждом конкретном случае диктуется указанием закона об обязанности проведения строго указанных следственных действий - с одной стороны, и обстоятельствами дела, определяющими безотлагательность и незаменимость следственных действий - с другой стороны.

Таким образом, все вышеуказанные признаки неотложных следственных действий тесно связаны между собой, обуславливают друг друга и образуют единство, характеризующее уголовно-процессуальную природу неотложных следственных действий. При отсутствии любого из этих признаков следственное действие нельзя признавать неотложным.

Мы не разделяем мнений по поводу расширительного толкования перечня неотложных следственных действий, приведенных в ст. 29 Основ. Сторонники расширительного толкова-

---

¹ Сигалов Л.Е. Указ.соч., с.5

ния закона упускают такой признак неотложных следственных действий как обязательность их производства. Безотлагательность и незаменимость следственных действий в начальном этапе предварительного расследования именно в сочетании с необходимостью определения четких пределов полномочий органа дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, привело к тому, что в уголовно-процессуальном законодательстве появилось понятие "неотложного следственного действия".

В то же время нельзя оставить без внимания вопрос о том, соответствует ли действующее законодательство требованиями современной практики применительно к неотложным следственным действиям. Не без оснований, признавая указанный в законе перечень неотложных следственных действий исчерпывающим и, по смыслу закона, расширительному толкованию не подлежащим, некоторые авторы высказывают пожелания несколько расширить в законе перечень неотложных следственных действий. Так, И.Д.Перлов предлагает дополнить перечень неотложных следственных действий такими, как предъявление для опознания, следственный эксперимент и экспертиза¹; Л.Е.Сигалов — наложением ареста на имущество и неотложной экспертизой, под которой он понимает судебно-медицинскую, криминалистическую, пожарно-техническую и автодорожную экспертизу²; Л.В.Павлухин — предъявлением для опознания, получением образцов для сравнительного исследования, судебно-медицинской экспертизой, наложением ареста на имущество и применением меры пресечения к подозреваемому.³

¹ Советский уголовный процесс: Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование/Под ред. С.В.Бородина, И.Д.Перлова.— М., 1968, с.29.

² Сигалов Л.Е. Указ. соч., с.7.

³ Павлухин Л.В. Указ.соч., с.54.

Своеобразно в этом отношении предложение П.А. Лукьянчикова, который считает целесообразным сформулировать в законе только родовое понятие неотложного следственного действия, указав, что таковым является любое следственное действие, промедление с производством которого в конкретно сложившихся условиях может привести к утрате фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. Он предлагает исключить из ст.29 Основ перечень неотложных следственных действий. "Однако это не должно означать, что органы дознания получают возможность производить расследование в полном объеме по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно".¹ Соответствующие ст.29 Основ статьи УПК союзных республик он предлагает дополнить перечнем тех следственных действий, как привлечение в качестве обвиняемого и допрос обвиняемого, производство которых органам дознания категорически запрещено.

В.А. Иванов, в свою очередь, придерживается противоположной точки зрения. Он считает, что перечень неотложных следственных действий является не только исчерпывающим, но и содержит также следственные действия, которые не являются неотложными. К таким В.А. Иванов относит все виды допросов и предлагает их исключить из перечня неотложных следственных действий, перечисленных в ст.29 Основ.²

Мы поддерживаем мнения тех авторов, которые возражают в данном случае против расширительного толкования закона и вместе с тем предлагают его изменить, и таким путем решить проблему, выдвинутую практикой.

¹ Лукьянчиков П.А. Деятельность органов милиции по разрешению заявлений и сообщений о деятельности несовершеннолетних и производству неотложных следственных действий. Автореф. канд. дис. - Киев, 1979, с.16.

² Иванов В.А. Указ.соч., с.19-21.

Однако, как представляется, подобные предложения об изменении действующего законодательства недостаточно обоснованы: не случайно, что рекомендуемые разными авторами перечни неотложных следственных действий не совпадают. Круг следственных действий, рекомендуемых к включению в ст.29 Основ должен быть тщательно изучен не только в теоретическом плане, но прежде всего путем изучения и обобщения практики.

Одним из недостатков имеющихся исследований практики является то, что в них, как правило, обобщается практика неотложных следственных действий, проводимых только органами милиции. Вопрос о практике проведения этих действий иными органами дознания упускается, хотя именно исследования в данной области могут указать на необходимость в совершенствовании закона о неотложных следственных действиях. Без подобного рода исследований не представляется возможным установить, испытывает ли практика настойчивую необходимость в изменения действующего уголовно-процессуального законодательства применительно к неотложным следственным действиям.

Изложенное, разумеется, далеко не исчерпывает вопрос о понятии и сущности неотложных следственных действий, а лишь указывает на пути разрешения поставленных вопросов.

ТАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ОРГАНОВ

В утвержденной учебно-методическим управлением по высшему образованию Министерства высшего и среднего специального образования СССР 18 апреля 1974 года программе курса криминалистики вместо традиционной темы "Розыск" включена тема, вынесенная в заголовок настоящей статьи, охватывающая и вопросы розыска.

Представляется, что это не просто изменение названия темы и ее некоторое расширение.¹

Отражая сложившееся положение в следственной практике и практике борьбы с преступностью, выражая необходимость готовить молодых специалистов адекватно потребностям этой практики, вузовская программа криминалистики, пусть с весьма ощутимым опозданием, но все же сделала первый шаг к официальному признанию все возрастающего коллективизма и комплексности борьбы с преступностью в целом и признанию возросшего значения взаимодействия следствия и оперативно-розыскной деятельности, в частности. К сожалению, в учебной и научной литературе, кроме предназначенной для учебных заведений системы МВД, за прошедшие годы эти вопросы еще в достаточной степени не разработаны. Поэтому, думается, целесообразно на страницах ученых записок университета рассмотреть некоторые положения по данной проблеме, которые, как представляется, должны учитываться при преподавании новой темы студентам.

---

¹ В действующей программе курса, утвержденной 10 апреля 1981 г., эта тема именуется: "Взаимодействие следователя и оперативно-розыскных органов в процессе раскрытия преступлений".

О причинах все возрастающего коллективизма в борьбе с преступностью мы писали не раз.¹ Напомним, поэтому, лишь основные из них.

Во-первых, это изменившиеся условия жизни общества: возросшая интенсивность миграции населения, в т.ч. уголовно-преступного элемента; неизмеримо возросшая насыщенность общества современными транспортными средствами и доступность этих средств для всех, в т.ч. и для правонарушителей. Под воздействием этих условий удельный вес преступников, совершающих преступления вне района своего постоянного места жительства, и поэтому, практически недосягаемых для любого следователя и работника оперативно-розыскного аппарата, действующего в одиночку, ежегодно возрастает и достиг в Латвийской ССР к 1980 году порядка 35-36 %.

В качестве примера достаточно привести данные об убийстве гражданки К. в местечке Икшкиле Огрского района Латвийской ССР в январе 1980 года. Он оказался уроженцем гор. Севастополя, ранее совершившим аналогичное убийство в гор. Ялте. Задержан он был работниками уголовного розыска МВД Латвийской ССР спустя месяц в Северодвинске Мурманской области. Естественно, что это стало возможно лишь в результате слаженного труда нескольких десятков сотрудников органов внутренних дел и следователя прокуратуры, использования современных средств связи и транспорта.

Во-вторых, сам процесс борьбы с преступностью сегодня столь насыщен различными научно-техническими средствами и

---

¹ Кавалиерис А. К вопросу о необходимости усовершенствования организации процессуальной деятельности в органах внутренних дел. - Учен. зап. Латв. ун-та, 1974, т. 212. Вопросы борьбы с преступностью, с. 135-147; Кавалиерис А. Организация и использование возможностей современных систем информации в борьбе с преступностью. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе: Межвуз. сб. науч. тр., - Рига; 1978, с. 112-122.

методами, что владеть и пользоваться ими одному следователю практически невозможно.

Изложенное - это, на наш взгляд, главные, решающие причины возросшего значения взаимодействия следственных и оперативных органов, необходимости научной разработки принципов такого взаимодействия и усвоения их будущими специалистами в области борьбы с преступностью уже на студенческой скамье.

Каковы же эти принципы?

Представляется, что первым в их ряду можно назвать принцип строгого соблюдения разделения функций взаимодействующих сторон. Это означает, что следователь должен осуществлять процессуальные действия и не может вмешиваться в оперативно-розыскную деятельность, а работник оперативного аппарата - проводить, в свою очередь, оперативно-розыскные мероприятия, не посягая на процессуальную самостоятельность следователя.

Может показаться парадоксальным, что перечень принципов взаимодействия, т.е. совместных действий, начинается именно с этого - условия разделения функциональных обязанностей каждой взаимодействующей стороны. Однако, дело в том, что на один из принципов взаимодействия не нарушается на практике так часто и не одному из допускаемых нарушений не изыскиваются такие теоретические обоснования, как именно этому.

Со ссылкой на требования уголовно-процессуального закона, изложение вопросов о взаимодействии обычно сводится к обоснованию права следователя давать, и обязанности органов дознания, т.е. оперативных аппаратов, исполнять поручения о проведении не столько оперативно-розыскных (что было бы закономерно), но главным образом, следственных действий по расследуемому следователем делу.

Думается, что подобная практика не верна. Она лишь формально создает впечатление об увеличении мощи, точнее, численности, количественных возможностей, следствия. Правильно же построенное взаимодействие призвано придать борьбе с преступностью новое качество - за счет комплекс-

ного сочетания возможностей как следствия, так и оперативно-розыскной деятельности. Возможности последней многими криминалистами недооцениваются и в вузовском курсе криминалистики почти не раскрываются.

Очевидно, в наиболее концентрированном виде эффективность оперативно-розыскной деятельности проявляется в том, что только благодаря информации, полученной оперативным путем, ежегодно раскрывается порядка двух третей (!) преступлений, совершенных в условиях неочевидности, т.е. так, что на момент поступления сообщения об этом преступлении, лицо его совершившее не известно. Еще больше роль оперативно-розыскной информации в предупреждении и пресечении конкретных готовящихся и совершающихся преступлений: 80-90% из них выявляется именно оперативно-розыскным путем.

Естественно, что выполнение поручений следователя о проведении следственных действий возможно только за счет отвлечения работников оперативных аппаратов от осуществления этой столь эффективной деятельности, которой, к тому же, никто, кроме данных аппаратов заниматься не вправе. Именно поэтому практика подобных поручений крайне неэффективна, и строгое разделение функций каждой взаимодействующей стороны представляется обязательным.

Вторым принципом можно было бы назвать подчинение всей деятельности взаимодействующих сторон общей цели - установлению истины по возбужденному уголовному делу. Поскольку истина может считаться установленной лишь при ее подтверждении данными, полученными процессуальным путем, это означает, что на данном этапе оперативно-розыскные мероприятия приобретают как бы подчиненный характер. Они должны планироваться и осуществляться там и тогда, где и когда это создаст оптимальные условия для проведения следственных действий и обеспечит максимальную эффективность последним.

Оперативно-розыскная работа, безусловно, является очень важным и, как мы видим, эффективным видом деятельности органов внутренних дел. Изложенное в предыдущем абзаце отнюдь не означает принижение ее значимости и ограни-

чение самостоятельности. В названном принципе подчеркивается направленность этой деятельности только на данном этапе ее осуществления — этапе после возбуждения уголовного дела, этапе взаимодействия со следователем.

Примером описываемой "подчиненности по целям" может служить к сожалению не так часто практикуемый негласный сбор сведений об образе жизни, распорядке дня и расположении комнат перед обыском или сбор информации о связях и образе жизни допрашиваемого перед допросом.

Однако, коль скоро взаимодействие — процесс двухсторонний, одним из его принципов следует считать и обязательность согласования с работником оперативного аппарата любых следственных действий, если только в них используется оперативно-розыскная информация. В данном случае также речь не идет об ограничении процессуальной самостоятельности следователя, его права самостоятельно проводить любые следственные действия. В общих интересах взаимодействия, с целью недопущения разглашения перед преступником приемов и методов оперативно-розыскной работы, следователь без такого согласования не вправе использовать информацию, добытую другой взаимодействующей стороной. Несоблюдение этого принципа порой чревато наступлением весьма неприятных и даже тяжелых общественно-опасных последствий.

Необходимость соблюдения данного принципа обуславливается в том, что в наш век углубленной специализации следователь, при всей его эрудиции, не может быть столь тонким знатоком нюансов оперативно-розыскной деятельности, чтобы лучше лиц, непосредственно получивших оперативную информацию, определять, как ее использовать. Специфика некоторых методов оперативно-розыскной работы предполагает обязательность такого согласования, независимо от того, кем полученная информация используется. Исключения в этом даже для следователя недопустимы.

Следующим по порядку изложения, по отнюдь не по значимости, является принцип строжайшего соблюдения социалистической законности. Для следователя это означает необходимость четкого соблюдения всех норм уголовного-процессуального закона при проведении любых следственных действий, а

для работника оперативного аппарата - столь же неукоснительное соблюдение подзаконных актов - приказов, инструкций и наставлений МВД Союза ССР и Латвийской ССР, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность. В случаях же проведения оперативным работником следственных действий, естественно, обязательно соблюдение им предписаний норм УПК.

И последним, завершающим и как бы охватывающим, интегрирующим, консолидирующим все предыдущие, - является принцип комплексного использования всех возможностей - следственных, оперативно-розыскных, оперативно-технических и информационно-аналитических - для установления истины по расследуемому делу, для полного раскрытия каждого преступления. Это означает, что следователь и работник оперативного аппарата, планируя и осуществляя взаимодействие, не должны ограничиваться только своими возможностями. Наивысший эффект достигается при умелом и максимальном использовании возможностей и оперативно-технической и информационной служб и других подразделений и органов внутренних дел.

Примеров, подтверждающих ни с чем не сравнимую эффективность претворения в жизнь именно данного принципа взаимодействия, практика знает множество.

При осмотре места происшествия в детальном допросе наглядных свидетелей следователь выявляет мельчайшие детали способа совершения преступления и устанавливает словесный портрет преступника.

Используя эти данные, из автоматизированной информационно-поисковой системы (АИПС) Информационного центра МВД получает отпечатанный электронно-вычислительной машиной список лиц, обладающих походами приметам и ранее совершавшими преступления аналогичным способом.

Одновременно в криминалистической службе при помощи специального идентификационного комплекса рисунков (ИКР) составляется и размножается в необходимом количестве синтетический портрет или т.н. "фото-робот" еще неизвестного преступника.

Оперативные работники уголовного розыска, применяя весь богатый арсенал сил, средств и методов оперативно-

-розыскной деятельности, проверяют местонахождение в момент совершения преступления, похожест на "фото-робот" и возможную причастность к преступлению лиц, рекомендованных АИПС.

Круг проверяемых сужается и, наконец, остается один заподозренный.

Если его местонахождение неизвестно, а так бывает не так уж редко, полученная из информцентра фотография следователем предъявляется для опознания свидетелям.

После этого, используя клише, хранящееся там же в информационном центре, печатается практически неограниченный тираж фотографий разыскиваемого, которые распространяются среди всех работников уголовного розыска, подразделений милиции и ГАИ, а при необходимости - показывается по телевидению.

После этого задержание разыскиваемого - это вопрос только времени.

Вина задержанного в совершенном преступлении вновь доказывается следователем во взаимодействии с оперативным работником.

Таков или близок к тому типичный сегодня путь раскрытия многих преступлений.

В традиционной криминалистической и процессуальной литературе принято подчеркивать, что всегда, на всех этапах и во всех вопросах взаимодействия инициатором является следователь.

Однако, ни практически, ни теоретически столь однозначное и категорическое утверждение не представляется бесспорным. Более того - ныне действующий подзаконный акт, регламентирующий взаимодействие со следователями в системе, расследующей 4/5 всех возбужденных уголовных дел, прямо определяет, что на каждом этапе инициатива взаимодействия всех аппаратов и сотрудников, принимающих участие в борьбе с

преступностью, должна исходить - и на практике и исходит - от разных служб и работников МВД.¹

Так, практически все 100% всех сообщений и заявлений о совершенных преступлениях поступают не следователям, а в дежурные части органов внутренних дел. Логично поэтому, что и инициатива взаимодействия, выражающаяся в организации охраны места происшествия, оповещении и сборе всех участников осмотра, обеспечении их быстрого выезда, получении с места первичной информации о приметах и вероятном направлении движения преступников и организации соответствующих заградительных и поисковых мероприятий по их задержанию по горячим следам, на данном этапе не может исходить от следователя, а может и должна принадлежать дежурному по органу внутренних дел. Это, безусловно, не означает, что следователь лишается права определять, кто конкретно, какой специалист должен принять участие в осмотре места происшествия, как не означает и что остальные взаимодействующие стороны лишаются права проявлять необходимую инициативу для решения тех или иных частных вопросов, в которых они более компетентны или более заинтересованы. Речь идет об инициативе в целом в проведении действий, направленных на изобличение преступника на данном этапе.

Именно дежурная часть обладает и наибольшими возможностями в претворении в жизнь проявленной инициативы, в материальном обеспечении организации реального взаимодействия всех участников процесса борьбы с преступностью на данном этапе. И с одной стороны - возложение ответственности за проявление инициативы и организации взаимодействия на дежурную часть, освобождает следователя, дает ему возможность сосредоточить все свое внимание, ис-

---

¹ См. утвержденную приказом МВД СССР от 20 февраля 1979 года "Инструкцию о взаимодействии следователей, работников уголовного розыска, БХСС и дежурных частей при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений".

пользовать все время для непосредственного осмотра места происшествия, допроса наличных свидетелей и проведения других неотложных первоначальных следственных действий, т.е. осуществления мероприятий, призванных дать наиболее ценную доказательственную информацию, причем мероприятий, которые качественно провести может только следователь.

Иным является положение в случае, если информация о самом факте преступления или лице, его совершившем, добыта в результате оперативно-розыскной деятельности. Естественно, что полнее всего информация эта известна оперативному работнику, ему доступны источники ее получения, он обладает наибольшими возможностями организации проверки этой информации, сбора дополнительной, недостающей. Следовательно, логично, что инициатором и организатором взаимодействия в данном случае должен выступать работник оперативного органа. Однако, и тут речь не идет о лишении следователя права определять, какая информация ему нужна для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, оптимального проведения тех или иных следственных действий, права давать соответствующие поручения оперативному работнику. И тут на инициатора возлагается ответственность лишь за общую организацию взаимодействия, за то, чтобы такое взаимодействие вообще осуществлялось.

Выявив в процессе оперативно-розыскной деятельности признаки состава преступления или данные о лице, совершившем преступление, и, считая имеющуюся информацию достаточной для принятия решения о возбуждении уголовного дела или привлечения лица к уголовной ответственности, оперативный работник излагает имеющиеся у него данные в подробном рапорте и ставит перед начальником органа внутренних дел вопрос о передаче информации следователю для принятия соответствующего процессуального решения. В случае согласия руководства с этим мнением, начальником следственного подразделения намечается конкретный следователь, который изучает, анализирует и оценивает собранную оперативным работником информацию. Признав, что в собранных данных имеется достаточно оснований для принятия процессуального

решения, следовательно вместе с оперативным работником приступает к составлению т.н. плана реализации, т.е. плана согласованных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые позволят процессуальным путем проверить правильность оперативно-розыскной информации и собрать доказательства этого. Если же следователь в собранных материалах не находит достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, материалы возвращаются оперативному работнику. При этом, как правило, следователь высказывает свое мнение о том, что следовало бы еще выяснить оперативным путем, чтобы такие основания появились.

Составление согласованного плана реализации отнюдь не означает т.н. сращивание следствия и оперативно-розыскных аппаратов, вмешательство взаимодействующих сторон в компетенцию друг друга. Следователь самостоятельно планирует следственные действия, а оперативный работник - оперативно-розыскные мероприятия, согласовывая лишь их между собой по времени и целям. При этом особенно ярко должен проявляться описанный выше принцип планирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий с единственной целью - создать оптимальные условия для получения следственными действиями максимума доказательств.

Следует оговорить, что подобный порядок взаимодействия на данном этапе - этапе реализации оперативно-розыскных материалов - существует лишь по делам, расследование которых законом отнесено к компетенции следователей органов внутренних дел. Дела этой категории составляют абсолютное большинство, однако по ряду преступлений процессуальный закон требует проведения расследования следователем прокуратуры. При выявлении в результате оперативно-розыскной деятельности преступлений данной категории, вопрос о возбуждении уголовного дела решается самим органом дознания. Поэтому и реализация оперативно-розыскных материалов осуществляется работниками уголовного розыска или службы БХСС без участия следователя. Дело передается следователю лишь после проведения неотложных следственных действий. Опыт показывает, что подобная практика фактичес-

кого отсутствия взаимодействия оперативных аппаратов и следствия на данном этапе расследования, от которого в значительной мере зависит вся дальнейшая судьба дела, отрицательно сказывается на эффективности борьбы с преступностью. Однако, это уже тема для самостоятельного исследования.

На остальных стадиях расследования дела наиболее полной информацией о наличии или отсутствии доказательств и, следовательно, о необходимости сбора данных об определенном факте или лице, обладает следователь. Поэтому именно он является ответственным за организацию взаимодействия всех участников процесса борьбы с преступностью.

И на этих стадиях взаимодействие должно осуществляться планомерно. Это достигается составлением и на дальнейшие этапы согласованных планов следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Только теперь инициатором их составления должен выступать не оперативный работник, а следователь.

Изложенным, безусловно, не исчерпывается все многообразие форм и методов взаимодействия следователей и работников оперативных органов. Описать все в рамках одной статьи практически невозможно. Однако, представляется, что уже написанного достаточно, чтобы обозначить важность и в то же время — сложность такого взаимодействия, убедиться в необходимости изучения этой проблемы и определить основные направления такого изучения.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИИ

1. Одной из актуальных проблем методики расследования преступлений является вопрос о криминалистической характеристике преступлений. Разработка этого вопроса имеет существенное значение для дальнейшего развития теории советской криминалистики, совершенствования частных методик по выявлению и раскрытию преступлений.

Исследованию проблемы криминалистической характеристики преступлений посвящены работы многих советских криминалистов, в которых высказаны различные и во многом несовпадающие взгляды.

Следует признать, что применительно к криминалистической методике как разделу науки криминалистики, названные вопросы в настоящее время наиболее дискуссионны.

2. Возможна ли криминалистическая характеристика преступления безотносительно к отдельным категориям преступлений, т.е. криминалистическая характеристика преступления вообще?

И.Ф. Пантелеев полагает, что "можно говорить лишь о криминалистической характеристике данного конкретного вида преступлений, а не преступления вообще".¹

От решения этого вопроса зависит ответ: должна ли криминалистическая характеристика преступлений входить в общие положения криминалистической методики в качестве одного из ее теоретических начал или нет.

Цели и средства их достижения при расследовании преступлений являются как общими для всех категорий уголовных дел, так и специальными, возникающими только при рас-

¹ Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений.- М., 1975, с.9.

следовании данного конкретного вида преступлений или нескольких видов преступлений. Отсюда видно, что методика расследования, поскольку она, в частности, определяется целями расследования, должна состоять как из общих положений, ее теоретических начал, так и из частных методик, которые применяются только при расследовании отдельных или нескольких видов преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений - существенное звено общих положений методики расследования преступлений. Именно здесь должны быть выработаны основы криминалистической характеристики преступлений: ее элементы и содержание каждого из них. При этом следует подчеркнуть, что окончательная детализация содержания отдельных элементов криминалистической характеристики может иметь место лишь в частных методиках.

Изложенное можно обосновать тем, что способ совершения преступлений, механизм образования следов, непосредственный предмет преступного посягательства, ситуация совершения преступлений и мотивы преступлений по разным категориям преступлений не совпадают.

По мнению Н.П. Яблокова, в общих положениях методики расследования должна содержаться информация о сущности и структуре криминалистической характеристики преступления.¹ Мы также вполне разделяем точку зрения А.Г. Филиппова, который считает, что "нельзя согласиться с теми авторами, которые рассматривают криминалистическую характеристику на уровне единичного явления, фактически отождествляя ее с обстоятельствами конкретного преступления".²

Следует признать правильной лишь ту точку зрения, в соответствии с которой криминалистическая характеристика

¹ Яблоков Н.П. Проблема повышения эффективности борьбы с преступностью и методика расследования преступлений. - Вестн. Моск. ун-та. Сер. II. Право, 1979, № 5, с. 4.

² Филиппов А.Г. К вопросу об особенностях расследования отдельных видов и групп преступлений. В кн.: Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. - Свердловск, 1980, с. 23.

преступлений является одним из теоретических начал криминалистической методики и именно поэтому в общих положениях криминалистической методики должно найти место понятие "криминалистическая характеристика преступлений". Здесь же в общих чертах должно быть раскрыто его содержание. Криминалистические характеристики отдельных видов преступлений могут и должны быть уточнены и соответствующим образом дополнены при разработке конкретных методик.

3. В криминалистике еще не сложилось единое мнение об элементах структуры криминалистической характеристики преступлений. Наличие разногласий можно объяснить еще недостаточной изученностью элементов криминалистической характеристики преступлений. Расхождения в определениях криминалистической методики начинаются с того, что составляет его структуру, из каких элементов она складывается.¹ Так И.Ф.Пантелеев считает, что к криминалистической характеристике преступлений относятся типичные ситуации, в которых совершается данный вид преступления, наиболее распространенные способы их совершения, применение преступником технических средств, характеристика типичных материальных следов преступления, наиболее вероятные места их обнаружения, тайники, способы сокрытия следов преступления, "профессиональные" преступные вавки и преступные связи.²

Несколько другой точки зрения придерживается Н.А.Селиванов. Он полагает, что криминалистическая характеристика преступления складывается из ряда элементов, но наиболее общее логическое основание такого деления — элементы со-

¹ Селиванов Н. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования. — Соч. законность, 1977, № 2, с. 56; Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. — М., 1975, с. 9; Яблоков И.П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. — М., 1980, с. 34; Дравкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений. — В кн.: Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. — Свердловск, 1978, с. 11-18.

² Пантелеев И.Ф. Указ. соч., с. 9-10.

става преступления. К ним относятся: данные, относящиеся к объекту преступного посягательства, способ и обстоятельства преступления, его последствия, объективная сторона преступления и личность преступника. В преступлениях против личности сведения о личности потерпевшего, которые могут касаться как собственных (внутренних) признаков потерпевшего, так и его окружения, связей, отношений с людьми.¹

В содержание криминалистической характеристики В.Г. Танасевич и В.А. Образцов включают пять взаимодействующих систем: способ совершения преступления; обстановка совершения преступления; условия охраны его от посягательства (включая характеристику лиц, связанных с обеспечением неприкосновенности блага, на которое произведено покушение); маскировка, направленная на сокрытие следов преступления и лиц его совершивших; личность преступника и образ его поведения до и после совершения преступления.² Н.П. Яблоков структуру криминалистической характеристики преступлений ограничивает следующими элементами: способ совершения преступления; обстановка его совершения; отдельные черты личности субъекта и для некоторых преступлений и личности потерпевшего.³

Сопоставляя взгляды различных авторов нетрудно заметить, что расхождения относительно криминалистической характеристики преступлений выражаются не только по своему существу, но и в части применяемой терминологии. Так И.Ф. Пантелеев считает, что криминалистическая характеристика преступлений включает в себя типичные ситуации, в которых совершается данный вид преступления.⁴

¹ Селиванов Н. Указ. соч., с. 56

² Танасевич В.Г., Образцов В.А. О криминалистической характеристике преступлений. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1976, вып. 25, с. 101.

³ Яблоков Н.П. Исследование обстоятельств преступных нарушений правил безопасности труда. М., 1980, с. 34-41.

⁴ Пантелеев И.Ф. Указ. соч., с. 9-10.

Некоторые авторы, в частности, Н.А.Селиванов, В.Г.Танасевич, В.А.Образцов, Н.П.Яблоков и некоторые другие, включают в криминалистическую характеристику обстановку совершения преступлений.

Представляется, что между точкой зрения, относящейся к криминалистической характеристике преступлений "типичные ситуации, в которых совершается преступление" и другой точкой зрения, включающей в криминалистическую характеристику "обстановку совершения преступлений" по существу расхождений нет. Следует отметить, что понятие "ситуация" более широкое, нежели понятие "обстановка". Она включает в себя совокупность обстоятельств, условий, т.е. положение дел в какой-либо сфере общественной жизни на определенный момент.

Понятие "типичная ситуация" является результатом научного обобщения следственной практики. Данное понятие имеет большое теоретическое и методическое значение для разработки частных методик.

Ситуация, в которой совершается преступление, находится в тесной взаимосвязи со способом совершения и механизмом преступления. Преступник выбирает способ совершения преступления с учетом возможной ситуации, а реальная ситуация, с которой он встречается ведет лишь к конкретизации ранее предусмотренного им способа совершения преступления. Механизм преступления проявляется в процессе взаимодействия правонарушителя с окружающей средой и под влиянием сложившейся ситуации.

К числу элементов криминалистической характеристики преступлений советские криминалисты относят и другие компоненты. Так И.Ф.Герасимов, указывая на ряд вопросов, которые должны включать в себя криминалистическая характеристика преступлений называет, в частности, такие элементы: распространенность и общественная опасность преступления; особенности обнаружения и выявления преступлений;

характеристика типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании и др.¹

К числу наиболее значимых элементов криминалистической характеристики А.Г.Филиппов среди других относит непосредственный предмет преступного посягательства, личность преступника и потерпевшего (в том числе мотивы преступления).² С.И.Винокуров в содержание криминалистической характеристики предлагает включить такие элементы, называя их основными, как типичные ситуации совершения преступления, способы совершения преступления, следственные (типичные) ситуации, а также круг обстоятельств, подлежащих установлению на первоначальном этапе расследования.³ В.А.Ледашев считает, что в криминалистическую характеристику должны входить данные о распространенности и динамике преступления и также данные о наиболее характерных мотивах преступления.⁴

Представляется, что согласиться с мнением И.Ф.Герасимова и С.И.Винокурова полностью нельзя. Вызывает возражения включение ими в содержание криминалистической характеристики преступлений следственных ситуаций. Следственная ситуация выражает сумму значимой для следователя ин-

¹ Герасимов И.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений в методике расследования. - В кн.: Методика расследования преступлений (Общие положения): Материалы науч.-практ. конф. (г.Одесса, ноябрь 1976 г.). - М., 1976, с.94-95.

² Филиппов А.Г. Указ. соч., с.22.

³ Винокуров С.И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений. - В кн.: Методика расследования преступлений (общие положения): Материалы науч.-практ. конф. (г.Одесса, ноябрь 1976 г.) М., 1976, с.102.

⁴ Ледашев В.А. О совершенствовании структуры методики расследования отдельных видов преступлений. - В кн.: Методика расследования преступлений (Общие положения): Материалы науч.-практ. конф. (г.Одесса, ноябрь 1976 г.) М., 1976, с.172.

формации на определенный момент расследования, в то же время криминалистическая характеристика преступлений — это сумма знаний о преступлении. "Под следственной ситуацией принято понимать определенное положение в расследовании преступления, характеризуемое наличием тех или иных доказательств и информационного материала, и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки", подчеркивает А.Н. Колесниченко.¹ Следственная ситуация характеризует только процесс расследования, но не само преступление. Поэтому включать следственные ситуации в криминалистическую характеристику преступлений неправомерно. На различие между понятиями: "криминалистическая характеристика преступления" и "следственная ситуация" весьма убедительно указывает Н. Селиванов, подчеркивая, что "криминалистическая характеристика преступления — система фактических данных, источники которых в ее содержание не входят; понятие же следственной ситуации охватывает и источники получения фактических данных".²

Высказаны интересные соображения о включении в криминалистическую характеристику типичных версий. На это указывает А.Н. Колесниченко. Он пишет, что "необходимо подчеркнуть важную роль систем типичных версий в криминалистической характеристике".³

Под типичной версией мы понимаем характерное для данной ситуации предположительное объяснение события в целом или отдельных его сторон или элементов, основанное на об-

---

¹ Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений.— Харьков, 1967, с.214.

² Селиванов Н. Указ. соч., с.58.

³ Колесниченко А.Н. Содержание и значение криминалистической характеристики преступлений.— В кн.: Актуальные проблемы советской криминалистики.— М., 1980, с.82.

общении следственной и судебной практики. Особенность таких версий является то, что они основаны на повторяемости способов совершения и сокрытия следов преступления, обстоятельств, при которых подготавлилось и было совершено преступление.

Представляется, что в содержание криминалистической характеристики необходимо включить такие основные элементы:

- а) распространенность и динамика преступлений;
- б) типичные ситуации преступлений (особенности места, времени, обстановки, среды, условий);
- в) непосредственный предмет преступного посягательства;
- г) способ совершения преступлений (орудия преступления и применяемые технические средства);
- д) способ сокрытия (маскировка, уничтожение, укрытие, имитация, фальсификация);
- е) особенности оставляемых следов;
- ж) личность преступника и его действия до и после совершения преступлений;
- з) личность потерпевшего и его поведение;
- и) мотивы преступления;
- к) типичные версии;
- л) обстоятельства, способствующие совершению преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений должна давать объективное представление о преступлении и включать в себя достаточное количество элементов, которые характеризуют преступление и являются исходными при расследовании.

Высказанные в настоящей статье соображения не претендуют на полное освещение затронутых вопросов. Наша цель — подчеркнуть необходимость дальнейшей разработки затронутых вопросов.

Р. Домбровский, И. Индулен

ПОЛЕЗНОЕ И НУЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

(И.М. Лузгин. Моделирование при расследовании преступлений. — М.: Юридическая литература, 1981. — 152 с.)

Центральное место в работах профессора И.М. Лузгина занимают проблемы познания при расследовании преступлений. Широкое признание и высокую положительную оценку получили его работы: *Расследование как процесс познания* (М., 1969) и *Методологические проблемы расследования* (М., 1973). Выход в свет новой книги И.М. Лузгина свидетельствует о том, что научные интересы автора продолжают оставаться прежними: методология познания, осуществляемого при расследовании преступлений. Рецензируемая работа посвящена одному из методов познания — моделированию. Моделирование является методом как теоретического, так и практического познания. И.М. Лузгин свое исследование ограничил рамками криминалистического практического познания.

В монографии исследуются вопросы о субъектах и объектах моделирования, его основные формы и функции, правовые основания, а также криминалистические приемы моделирования при производстве следственных действий и экспертных исследований.

Основное достоинство рецензируемой работы, на наш взгляд, состоит в том, что в разноплановых и казалось бы не взаимосвязанных между собой явлениях предварительного следствия автор выявил нечто общее — специфические приемы моделирования, обобщил и систематизировал их. И.М. Лузгин убедительно анализирует взаимосвязь условий познания истины в уголовном судопроизводстве с формами применения материальных и идеальных методов моделирования.

В первой главе работы обсуждаются общетеоретические вопросы моделирования как метода познания при расследовании преступлений. На наш взгляд, автор не всегда достаточно последователен при решении некоторых положений криминалистического моделирования. В частности, в число субъектов моделирования он включает потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых (с. II). Данное положение вступает в противоречие с основной и совершенно правильной идеей книги: моделирование — это метод практической познавательной деятельности. При расследовании преступлений указанные лица не являются субъектами познания и тем самым не могут быть признаны субъектами моделирования. Об этом свидетельствуют и приводимые в дальнейшем автором примеры. Изготовленные по предложению следователя обвиняемым рисунок ножа, которым было совершено убийство (с. 67-68) или модель-аналог взрывного устройства (с. 59-60) являются средствами познания обстоятельств расследуемого преступления для следователя или эксперта, но не для тех лиц, которые изготовили эту модель.

В рецензируемой работе И. М. Лузгин отказался от высказанной им ранее мысли, что реконструкция — это самостоятельный метод познания, существующий наряду с моделированием, и рассматривает реконструкцию как один из видов моделирования, с чем, конечно, следует согласиться. Однако разграничение криминалистических приемов моделирования на две группы: (1) приемы, имеющие значение самостоятельного следственного действия, и (2) приемы, имеющие значение лишь тактического приема следственного действия, не бесспорно. Подобное разграничение автор производит с целью обосновать выносимое им на обсуждение предложение о введении в УПК РСФСР новеллы, регламентирующей порядок производства нового следственного действия — реконструкции. Обсуждение этого вопроса осложняется тем, что уголовно-процессуальное законодательство РСФСР и некоторых других союзных республик не знает такого следственного действия, как проверка показаний на месте. Реконструкция, в том виде, как ее определяет И. М. Лузгин, содержит в себе многие

элементы уже известных законодательству следственных действий: следственного эксперимента и проверки показаний на месте, о чем свидетельствуют приводимые в книге примеры (с.с. 41-43, 46-47 и др.). Поэтому мы не исключаем такой вариант, как совершенствование методов моделирования, например, при следственном эксперименте и проверке показаний на месте (для тех республик, где это следственное действие предусмотрено законом) без введения в УПК нового следственного действия - реконструкции.

Наиболее сложной в теоретическом аспекте является проблема мысленного (идеального) моделирования в расследовании преступлений. Наряду с криминалистическими приемами материального моделирования при производстве отдельных следственных действий вопросы мысленного моделирования фактов, образующих состав преступления, и связанных с ним обстоятельств представляют наиболее интересную часть монографии. Автор справедливо отмечает, что разработка проблем мысленного моделирования в расследовании преступлений "по существу только начинается" (с.74). В работе исследуются характерные черты мысленного моделирования и специфика их проявления. Автор подчеркивает, что мысленное моделирование, формируемое для решения познавательной задачи, "не в состоянии развиваться по правилам жесткого алгоритма, т.е. заранее определенной программы" (с.75). Это правильное положение получило в рецензируемой работе свое дальнейшее развитие.

С большим интересом читаются размышления автора о моделировании внешнего облика разыскиваемого и о моделировании при производстве трасологических, баллистических, графических, портретных и пожарно-технических экспертиз. Материал изложен системно и на уровне требований сегодняшнего дня, насыщен фактическими данными, глубоким анализом и обоснованными выводами.

Автор подробно анализирует все основные виды моделирования, применяемые в экспертной практике. На основании исследования фактологического материала им высказаны

справедливые критические замечания по поводу ряда применяющихся на практике приемов моделирования.

Представляется спорным предложение автора о приглашении понятых при опросе очевидцев для воспроизведения специалистом внешнего облика раскрываемого (с.103). Что же касается доказательственного значения моделирования внешнего облика разыскиваемого, то, на наш взгляд, в данном случае предпочтительнее точка зрения В.А.Снеткова и В.Б. Эминова (с.104).

Недостаточно убедительно, возможно из-за краткости изложения, описан опыт моделирования криминалистов ГДР (с.с.85-87, 91). Неточен перевод названия работы К.Роте, упомянутой на с.с. 91 и 148.

Высказанные нами отдельные критические замечания не влияют в целом на высокую и положительную оценку рецензируемой работы. Монография И.М.Лузгина — ценный вклад в науку криминалистики, в ее методологические основы.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А.А.Рейгас (Рига) К истории создания УК Латвийской ССР	3
О.В.Рудзитис (Рига) Развитие проблем Общей части советского уголовного права в трудах М.И.Блум	17
Р.И.Михеев (Владивосток) Содержание, сущность и предпосылки изменчивости	25
И.Ноцс (Вильнюс) О понятии убийства в советском уголовном праве	38
Н.Я.Друкс-Яунземис (Рига) Некоторые дискуссионные вопросы ответственности за управление транспортными средствами в состоянии опьянения	45
М.П.Шешуков (Рига) Презумпция невиновности обвиняемого и ее влияние на уголов-	

но-процессуальную деятельность	52
И.Г.Индулес (Рига) Участие граждан в рассле- довании и предупреждении преступ- лений по уголовно-процессуальному законодательству Германской Демо- кратической Республики	68
Р.Г.Домбровский (Рига) О понятии судебного доказательства в советском уго- ловном процессе.....	84
В.Я.Клотиньш (Рига) Об уточнении понятия неотложного следственного действия...	97
А.К.Кавалиерис (Рига) Тактические положения взаимодействия следственных и опе- ративных органов.....	105
В.К.Смильгаинис (Рига) К вопросу о структуре и содержании криминалистической характеристики преступлений	116
Р.Г.Домбровский, И.Г.Индулес (Рига) Полезное и нужное издание	124

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО И
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Сборник научных трудов

Редакторы Р.Домбровский, Р.Довгополова
Технический редактор И.Балоде
Корректор И.Балоде

Подписано к печати 24.08.82. ЯТ 09142. Ф/б 60x84/16.
Бумага №1. 8,3 физ.печ.л. 7,7 усл.печ.л. 6,3 уч.-изд.л.
Тираж 290 экз. Зак. № 1496. Цена 95 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 226098, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, Рига 226050, ул.Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки